

Литературная газета

№ 28 (591)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 15 мая 1936 г.

ВОЗРОЖДЕННЫЙ НАРОД

ЗА ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОГО РЕДАКТОРА

НА СОВЕЩАНИИ РЕДАКТОРОВ.

В конце прошлого года вся наша страна праздновала пятидесятилетие советского Казахстана. Этот праздник можно назвать праздником воскресшего народа.

Что представляла собой Казахстан до Великой пролетарской революции? Забитая царская колония, степная скотоводческая страна, культурные стремления и национальное развитие которой всеми способами задерживались правительством русского царя. Правители самодержавной России легко находили общий язык с феодалами и муллами Казахстана, их общие усилия были направлены к успешной эксплуатации униженного народа.

Антагонизм интересов народа и правителей обуславливал нищенское хозяйство страны. Неисчислимые богатства Казахстана недвижимо лежали в недрах. Народ, обладавший огромной культурой в прошлом, накануне революции был нищ и гол, он умирал в грязи и невежестве. В стране было всего три средних школы. Не было ни одного высшего учебного заведения, ни одного театра. Два процента населения было грамотно. Издавалась только одна газета.

Молодому советскому гражданину все это трудно себе представить. Он знает, что Казахстан—это Караганда и Балхашстрой, Чимкентский свинцово-цинковый гигант и Карсакий, Ульбастрой и Пахта-Арал. Он знает, что Казахстан—это страна стачковцев, обладающая крупными заводами и фабриками, образцовыми молочными фермами и мясными комбинатами, табачными, рисовыми, мукомольными и хлопковыми плантациями. Он знает, что в Казахстане строятся новые города, новые школы и театры, дома культуры, электростанции, библиотеки, стадионы.

Сто тридцать пять газет выходят сегодня в Казахстане на родном языке. Пятьдесят восемьдесят средних школ, тридцать высших учебных заведений, пятьдесят семь техникумов готовят новые кадры. Двадцать два театра работают в Казахстане, и только за 1935 год выпущено сто шесть названий художественной литературы.

Казахстан воскрес. Он вырос. Он идет в ногу со всей страной. Национальная культура Казахстана, которую ашар-ордынские националисты пытались подменить культом национальной отсталости, омыла вместе с победившим народом и на гробные волны вынесла талантливых сынов своих: народных певцов-позтов — акынов, мастеров сцены, кисти и пера.

Счастливые родные — счастливые песни. Мастера искусства Казахстана умеют петь их. Они хотят продемонстрировать перед пролетарской общественностью свое искусство, и вот 10 мая специальный поезд привез в Москву 300 участников декады казахского искусства. Среди участников декады писатели Сейфуллин, Майлин, Джансугуров, Муканов, Ауазов, Токамагбетов, Тогжанов и др. Декада начнется в Москве 17 мая.

Эта декада еще раз подчеркивает огромное значение искусства в социалистическом строительстве. С каждым годом, с каждой новой победой все больше внимания уделяют нашей стране, партии и правительству вопросам искусства и литературы. Высокие награды, которыми отменило правительство Советского союза некоторых наших писателей, артистов сцены, живописцев, — первое тому свидетельство. Внимание и заботливость вождя нашей страны товарища Сталина ко многому обязывает советских писателей и мастеров искусства — в социалистической стране искусство стало делом первостепенной государственной важности.

Декада казахского искусства — творческий отчет Казахстана. Свидетельства о росте казахского народа, она в то же время является стимулом его дальнейшего развития.

«Когда читаешь о десятках томов богатейшего фольклора, собранного в советском Казахстане, — пишет поэт-ордынщик Лавиты, — приходишь в голову: если разделить все эти богатства на число казахского населения, то пожалуй, каждый казах окажется автором песни, пословицы, предания». Сила мастеров казахского искусства в том, что они глубоко народны, демократичны.

Пролетариат является единственным наследником культуры прошлого. Все, созданное народным гением, является в резервуар социалистической культуры, уровень которой поднимается изо дня в день. Ленинский интернационализм, нашедший свое подлинное выражение в национальной политике вождя народов товарища Сталина, создал все условия для того, чтобы росла и крепла культура каждой национальности, входящей в Советский союз. Взаимное проникновение культур братских народов — свидетельство теснейшей дружбы наших народов. Чем органичнее эта связь, тем крепче фундамент нашего социалистического государства. Декада казахского искусства — демонстрация этого единства, и это увеличивает ее значение.

Царская Россия была не только тюрьмой народов, она была и кладбищем культур. Возвращаясь народам свободу жизни, Великая пролетарская революция тем самым возвратила эти культуры. Вот почему каждый гражданин Советской страны чувствует себя соиздателем и другом культур братских народов.

Казахский народ имеет богатую классическую и современную литературу. На наших глазах растет казахский советский фольклор. Долг казахстанских писателей внимательно прислушиваться к голосу народа. Народное творчество должно возвращаться к народу в высокохудожественной форме, а это возможно только в том случае, если казахстанские писатели целиком овладеют мастерством великих классиков русской и иностранной литературы, если опыт всей советской литературы будет им изучен и усвоен.

Работа, начатая в прошлом году ленинградской бригадой писателей под руководством Л. Соболева, должна быть продолжена. Может быть, следовало бы включить в эту бригаду и некоторых московских товарищей, работающих над переводами с казахского. Обязательство, которое приняла на себя бригада ленинградских писателей, — собрать автономно казахскую литературу и доставить ее до широкого читателя — должно быть выполнено до конца года.

Жизнь возрожденного Казахстана — блестящая тема для наших писателей. А кто работает над ней? Многие из наших писателей могут похвастаться глубоким знанием быта казахского народа! Декада поможет нашим писателям лучше узнать себя, что советские сердца одинаково бьются в Чимкенте и в Москве. Разве не выразил жизни Бек, простой сын казахского народа, чувства десятков миллионов советских граждан в своих стихах:

Он велик. Слово его
Сильней, чем устои гор.
Он собрал в себе слезы веков,
Он собрал в себе горе веков,
Он собрал в себе радость веков,
Он собрал в себе счастье веков,
Он собрал в себе мудрость веков,
Он собрал в себе силу веков,
Его жизнь велика и проста,
Необятна она, как мечта,
Он, как утро, над миром встает,
Его Сталиным мир зовет.

Так поет возрожденный народ.

ПРИВЕТСТВИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР НАРОДНОМУ ПОЭТУ ЧУВАШИИ Н. И. ПОЛУРУССОВУ-ШЕЛЕПИ

Президиум Союза советских писателей горячо приветствует Вас, народного поэта Чувашии, с 30-летием литературной деятельности и 55-летием со дня рождения. Желаем Вам еще долгих лет плодотворной творческой работы на радость всему народу ордынско-чувашии.

Ответственный секретарь союза писателей СССР А. ШЕРБАКОВ.

Замечательный финал

ОТ НАШЕГО ЛЕНИНГРАДСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Закончился смор массовой художественной самодеятельности, превращившаяся, как мы уже писали, в радостный праздник народного творчества. Ярким апофеозом праздника была аккомпанирующая вечер в Театре оперы и балета им. С. М. Кирова.

Поднялся занавес, открываясь воздвигнутая на сцене величественный, уходящий ввысь зеленый амфитеатр, заполненный семьями детей, в красных галстуках, с живыми цветами... Сто пятьдесят ребят в карнавальных костюмах и с огромными красными маками выбежали из-за кулис и закружились в вальсе танца. Шестьсот пионеров и школьниц пели песни под аккомпанемент ста тысяч трубачей и флейтоводов. Вдруг на движущихся подмостках на авансцену вымыли роль. Перед ним на высоком стуле сидела маленькая девочка в красном платье. Восемнадцатилетняя Валя Никифорова сыграла «Баталь» Бетховена. Девочка оттождила роль, и он улетел в глубь кулис.

Детской художественной самодеятельности было посвящено все первое отделение.

По вот опять завязался занавес, и девять подкурильцев, теперь уже безлидых рядов амфитеатра заняты духовым оркестром. Маршем-приветствием празднику народного творчества начинается парад народных талантов. Выступают рабочие, красноармейцы, краснофлотцы, студенты, служащие. Они играют, поют, танцуют, показывают акробатические номера. Семьсот рабочих и служащих — хор ленинградских профсоюзов — зашел в амфитеатр. На сцене — составление танцоров: русских, украинских, узбекских, финских, эстонских, татарских, корейских, чувашских, таджикских. На вечер присутствовали секретарь ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) тов. Жданов, секретарь горкома ВКП(б) тов. Утаров, наркомпрос Урваткин тов. Затонский и др. В артистическом зале были лучшие стачковские заводов и фабрик, представители советской общественности, крупнейшие мастера искусств.

Б. РЕСТ.

Не приходится говорить о том, какая огромная ответственность лежит на наших днях на редакторах журналов и издательствах, решающих судьбу художественного произведения, судьбу книги.

Каковы же должны быть качества людей, призванных, как констатировали тт. А. Шербаков и И. Луппол на совещании редакторов 13 мая, участвовать в творческом процессе писателя, быть его советниками, руководителями, помощниками, друзьями?

Требования, предъявляемые редакторам нашей действительностью, исчерпывающе сформулированы на совещании т. Луппол.

Идеалом советского редактора является человек, который сочетает в себе высокую идеальность и глубинную мысль с большим литературным и научным познанием, тонкий художественный вкус с горячей любовью к литературе, острое политическое чутье с сознанием громадной ответственности перед советским читателем.

Нельзя, к сожалению, утверждать, что этот тип редактора у нас широко распространен. При несомненном повышении общей редакторской культуры, все же судьба книги нередко зависит от людей случайных, малоавторитетных, лишенных вкуса, работающих по стандарту, стругущих всех писателей под «одну гребенку», а иногда политически близоруких и недостаточно грамотных.

Об этом говорили начальник Главлита т. Ингулов и заведующий художественным отделом Главлита т. Спасиский, продемонстрировавшие на совещании образцы действительной вопиющей «беззаботности» и безграмотности некоторых редакторов. Особенно

во часто приходилось т. Ингулову останавливаться на практике журналов «Октябрь», побившего все рекорды плохой работы.

Вопрос о кадрах сохраняет всю свою остроту. Но, заботясь о повышении квалификации редакторов, не следует забывать и о тех препятствиях, которые затрудняют работу даже опытных, авторитетных редакторов. В первую очередь нужно подумать об изменении материально-правовых условий редакторов в издательствах: эти условия ни в какой мере не соответствуют кругу обязанностей, ими выполняемым.

Чрезвычайно важным является и вопрос, поднятый на совещании т. Фомы («Советский писатель») и тов. Беркиной (Гослитиздат), вопрос об упрочении взаимоотношений между авторами и редакторами. Очень часто, даже мало квалифицированные, только начинающие свой путь авторы не ждут считаться с мнением и указаниями редактора, и с ними приходится выдерживать форменные бои, которые поживают уму времени и энергии. Что же говорить о «маститых» писателях, на каждом шагу распыляющихся в своем презрении к институту редакторов?

Все эти явления могут быть устранены лишь в том случае, если не только издательские, но и литературные организации позаботятся о поднятии авторитета редакторов, о создании вокруг их работы атмосферы доверия и помощи.

Открытым вопросом должно быть, в первую очередь, заняться бюро редакции редакторов при издательствах СССР, выборы которого состоятся на ближайшем совещании (19 мая).

Революционная литература Мексики

БЕСЕДА С ХОСЕ МАНСИДОРОМ.

Хосе Мансидор — революционный писатель Мексики. К нам, в СССР он приезжает впервые, но советским читателям он знаком по романам «Красный город» и «Мятеж», переведенным на русский и украинский языки.

Мансидор — профессор истории литературы и организатор коллектива революционных писателей и художников «Ноябрь» («Ноябрь»). Всякий этот коллектив в 1929 году, а в 1935 — все его члены вошли в состав Лиги революционных писателей, художников, артистов и интеллектуальных работников Мексики.

Лига первая вступила на позиции единого фронта. Теперь она объединяет свыше тысячи членов. Среди членов лиги — известный музыкант Редугальтас, писатели Кабаля, Ресес, художник Мендес и многие другие. Лига активно участвует в общественно-политической жизни страны. В марте 1936 г. Лига начала издавать журнал «Лицом к лицу». Журнал выходит десятилетним тиражом. Цифра не маленькая для литературно-художественного журнала, издающегося за границей.

До вхождения в Лигу группа писателей и художников «Ноябрь» объединялась в журнале «Рута» («Путь»), который под редакцией Мансидора выходил в Мексике уже четыре года.

Лига революционных писателей поддерживает тесную связь с парижским центром, образовавшимся после международного конгресса защиты культуры, а также с аналогичными организациями Уругвая, Эквадора, Кубы, Аргентины, Колумбии и Бразилии. С последней, впрочем, связь теперь стала несколько затрудненной.

В августе 1935 года, под председательством Мансидора, состоялась конференция писателей Латинской Америки в защиту культуры. В конце 1936 года писатели Северной и Латинской Америки соберутся на совместный всеамериканский конгресс защиты культуры, на который будут приглашены и европейские писатели. Перед открытием конгресса в Нью-Йорке начнет выходить журнал «Без границ».

— Советская литература, — сказал в беседе с сотрудником «Литературной газеты» Хосе Мансидор, — пользуется большой популярностью и едва ли ее наибольшим влиянием в Мексике.

На мексиканском языке вышли произведения Бабеля, Френбурга, Во. Исаюва («Бронепоезд»), Феллеа («Разгром»), Гладкова («Цемент»), Авдеевко («Я люблю»), Федина («Братья»), Леонова («Барсуки»), Фурманова («Мятеж»). Хорошо известны «Тихий Дон» Шолохова. Переведено много книг Горького. Хорошо знакомы мексиканцам русские классики — Толстой, Пушкин, Достоевский, Тургенев. Много читают в Мексике и французских писателей: Ромея Роллана, Андре Жюль, Ари Барбюса, Андре Мальро и др. Не являются наибольшей популярностью пользуются Бернард Шоу. Авторитет стоит выше, чем в США.

— Не только по художественной литературе, — продолжает свой беседу Х. Мансидор, — знают у нас о СССР. Все, что проникает в прессу о советской стране, читается о большим интересом.

Хосе Мансидор, по возвращении в Мексику, собирается написать книгу «Сравнительные впечатления» о Советском Союзе и Европе.

Табунщик коневосхова «Дигирес» Рахмийбай Турмепенов.

Фото Д. Шупкина.

Наш отец

Песня на смерть Ленина

Гранитным утесом ты стоял,
Драгоценным алмазом ты сиял,
Самородком золота, Ленин, ты был,
Серия и молота пророком был.
Был беспощаден твой правый суд,
Великим утесом ты разбил
Романовых трехцветный сосуд.
Ты выкорчевал все корни зла,
Гнездо насилия ты сжег до дна,
Злоба и страх капитал трясут,
Царям и баям ты был — гроза,
Кедр погнулся, как лоза,
Помог ты выйти в люди нам,
Вдохнуть ты дал всей грудью нам,
Малодушным ты отвагу дал,
Свободу нам на благо дал.
Ты нас избавил от рабских ую,
В братский нас ты связал союз,
Кавказ! Чем раньше были вы?
Живыми жили в могиле вы,
Мышами робкими были вы,
Служили вы пищей жирным котам,
Были расейной пылью вы,
Быч за нами ходил по пятам.
Человеком ли был в царских глазах,
Степной трудящийся, бедный жак?
Кто звал наше имя до Октября?
Дал Ленин-героя свободу нам,
Вернул он имя народа нам,

Светит равенства нам зари,
Край наш зовется Казахстан,
Не напрасны были твои труды,
Мы на твоим пути тверды,
Вряд ли расстроит наши ряды,
Имя Владика священо для нас,
Благословен отец твой — Ильяс,
Священ твоего рождения час,
Полны благодарности наши сердца,
Что же ты умер не в свой черед?
Смерть увела от нас отца,
Горько рыдает советский народ,
Плачет весь трудящийся мир,
Умер не в очередь Ленин-батыр,
Вечный ему да будет покой,
Прагу его нерушимый мир!
Во славу его, с великой тоской,
В горючих слезах, я пою мой жыр.
В деревню Горки, что под Москвой,
Смерть пришла за его головой.
На белый снег пада черная тень,
Луна и солнце затмилась в тот день.
В траур оделась весь мир в тот день,
В предвечье безвестной деревне, и слышались
Навек услуж мой вождь золотой!
Но мужества нас не лишил печаль,
Рыдаем мы, но идем вперед.
Вера наша, как сияла сталь,
Дело твоё никогда не умрет!
Не бойся, отец, за своих детей,
Мы не сойдем с пути твоего,
Как прежде, ведет нас десница твою,
Слава да не затмится твою!

Эта песня сочинена в Каркаралинском округе Казахстана народным жюри Алмек. Записана писателем учеником девятилетки г. Кызы-Орды Хажжуколовым.

Перев. с казахского Лев ПЕНЬКОВСКИЙ.

ПРОБЛЕМА ШЕКСПИРА

НА ШЕКСПИРОВСКОЙ СЕССИИ ИКП ЛИТЕРАТУРЫ

Философия марксизма-ленинизма дает освобожденному пролетариату, единственному наследнику культуры человечества, возможность по-настоящему глубоко изучить творчество одного из величайших гениев мировой литературы. Изю дня в день растет советское шекспироведение, углубляются теоретические его основы. Можно говорить уже о молодом поколении советских шекспироведов, внесших немалый вклад в изучение наследия великого английского драматурга.

Значительным событием в этом смысле явилась недавняя всесоюзная конференция, посвященная сценической истории Шекспира. Большое внимание уделяла разработанным вопросам теории, вульгаризирующей мысли Маркса и Энгельса о Шекспире. В первую очередь это относится к концепции поповой В. Фриче, концепции неверной и вредной, очень долго влиявшей на развитие советского шекспироведения и даже сейчас еще проводимой в марксистско-ленинских программах западной литературы.

Выступивший на сессии проф. С. Динамов последовательно отстаивал противоречивость взглядов Фриче, сторонником которого и он был в свое время. Наглядно показывая тов. Динамов, как Фриче для подтверждения своей теории о Шекспире — изолое феодального дворянства, вынужден был игнорировать исторические факты. Например, тот факт, что полное разложение феодализма в Англии предшествовало рождению драматургии. Об этом Фриче и полагался Аполл и Белой ром (1455—1485 гг.) старое дворянство в Англии было разрушено и его место заняло новое дворянство буржуазного происхождения.

Фриче отказывался видеть в Шекспире выразителя интересов нового капитализирующегося дворянства, он не замечал гуманитарных идей в творчестве Шекспира и даже отрицал в самом ярком антифеодальном трагедии Шекспира — «Король Лир» — характеризовал как величайшую апологию феодализма. Буржуазия, — утверждал Фриче, — Шекспир «не видел, не знал и не описывал».

Опору для своих взглядов Фриче искал в теории Шекспира — Ретленда. Эта теория, — заявляет тов. Динамов, — имеет под собой такую же почву, как и версия о том, что Шекспир — это Бэкон, Вильямонс, Стенли. Дерб и тому подобные современники английского писателя. В сущности, развивая эту концепцию, Фриче стал на перевернутую точку зрения: он хотел доказать, что художник не в состоянии отразить интересы и психологию другого класса.

Но Фриче в своей вульгаризации мысли Маркса и Энгельса не только не прав, но и вреден. Он ставит перед собой задачу доказать, что Шекспир — это Бэкон, Вильямонс, Стенли. Дерб и тому подобные современники английского писателя. В сущности, развивая эту концепцию, Фриче стал на перевернутую точку зрения: он хотел доказать, что художник не в состоянии отразить интересы и психологию другого класса.

идеологом буржуазии, доминируют аристократические сюжеты и образы.

Смирнов разрешает вопрос быстро и уверенно. Шекспир, мол, как и другим гениям той эпохи, буржуазная сентиментальность не нужна была «для выражения их идей. Она, пожалуй, даже стесняла их своей мешающей ограниченностью».

А как же быть с «Венецианским купцом», где Шекспир все же сумел преодолеть мешающую ограниченность буржуазного материала? Об этом Смирнов умалчивает.

«Гамлета» Смирнов зачисляет в разряд пьес, которые «нельзя, как это делают многие, считать решающими для определения мировоззрения Шекспира». Для чего нужно Смирнову это утверждение? Для того, чтобы никакая опасность не угрожала его тезису о «насыщенном оптимистическом Шекспире». Это и побуждает его одним местом откинуть показавшийся «многим» о «Гамлете», хотя, как справедливо напоминает тов. Нусинов, среди этих многих имеются Гете, Белинский и большое количество других великих имен.

Но даже при всех героических попытках придать своей схеме эвклинову стройность, Смирнов топчет крах. Он часто, сам того не замечая, опрокидывает себя, — в особенности в том разделе книги, где речь идет о «Король Лир», трагедии, которую даже Смирнов вынужден признавать, хотя и с оговорками, глубоко несимпатичной.

Вскрыва противоречивость и недальность схемы Смирнова, тов. Нусинов выступает и против других видов вульгаризации.

Какова же социальная природа творчества великого английского драматурга?

Ответ на этот вопрос, говорит тов. Динамов — нужно искать в оценках Маркса и Энгельса, в высказываниях Маркса и Луначарского, который в последних статьях сумел преодолеть свои неверные взгляды на творчество Шекспира. На основе этого анализа советская молодежь научится понимать, что творчество Шекспира выросло из всемирно-исторической конъюнктуры, каким явилась встреча господствующей буржуазии с угасающей феодальной системой, что тем и дорган этот гений, что он о неслыханной ли не до, на после него ойлой и полный отразил сложное рождение нового мира, те туманные психологические коллизии, которые были неизбежны в эпоху, когда «распадалась связь времен».

Корни глубочайшего интереса Шекспира к античности, в частности — римской, культуре нужно искать в обстановке той эпохи, в которую жил и творил Шекспир. Профессор Дерагани в интересном докладе со всей отчетливостью показал, что в эпохе гражданских войн древнего Рима, а эпохе кризиса римской аристократической республики Шекспира привлекло сознание о окружающей его действительности. Этим и объясняется огромное влияние античной культуры и философия на творчество Шекспира. Тов. Дерагани привлек значительный материал, позволяющий проследить, как влияние софистов, стоиков, эпикурейцев и, в особенности, влияние Платона, обусловило постановку и развитие многих проблем в трагедиях Шекспира — проблемам власти, народа, морали и т. д.

Такая драматургия к созвучным эпохам объясняет — как это утверждал другой докладчик, проф. А. Дживелло — обращение Шекспира к итальянским новеллам, часто использова-

ние им сюжетов и образов итальянских новелл.

Большой интерес вызвал на сессии доклад проф. С. Брейтбура о пометках Л. Толстого на полях трагедии «Ромео и Джульетта». Экземпляр этой неважно обнаружен тов. Брейтбуром в Ижевской областной библиотеке, и следование на его полях пометки Л. Толстого дает яркое представление о той предвзвешенной работе, которую проделал Толстой для своей знаменитой брошюры «О Шекспире и его драматургии».

На толстовском экземпляре много пометок. Встречаются инициалы: «б. с.», «д. в.», «и. н.», «к. с.», «ч.». После сложной и напряженной работы С. Брейтбуру удалось расшифровать их следующим образом: «б» — смысл, «д» — вкус, «и» — необходимость, «к» — скорость, «чепуха», и т. д.

В отдельных случаях Толстой писал слова полностью. Так знаменитый монолог Джульетты в сцене самоотравления он сопроводил примечанием: «Не вышло». Место, где Ромео с очтаньем восклицает, обращаясь к Лоренцо:

— Я игнаил философию к чертам!
Не философии создать Джульетту...

Толстой отчеркивает с обеих сторон и сбоку пишет: «Нечаянно удалась».

С большим интересом был выслушан доклад доцента В. Рейфа на тему «Шекспир и современный фашизм». Подробные материалы об этом в других докладах будут даны в следующем номере «Л. Г.».

Следует отметить весьма важный факт: в работе сессии приняли очень активное участие молодые исследователи Шекспира, слушатели ИКП литературы. Доклады дт. Наумова, Яковлева, Рокотова и Красной свидетельствуют о высоком уровне той работы, которую ведет шекспировская кафедра ИКП.

Л. ЗИДЕЛЬМАН.

Привет мастерам литературы и искусства возрожденного Казахстана!

Возвращение Кобланды-батыра

ОТРЫВОК ИЗ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭМЫ «КОБЛАНДЫ-БАТЫР»

Артистка Ш. Жандарбекова в роли танцовщицы ханского двора («Кыз-Жибек» в Государственном казахском музыкальном театре)

Возвращаясь из похода, Кобланды-батыр подезжает к городу кадымского хана Алчагира, где томится в плену его семья и весь род кинчаков. Батыр слышит голос своего отца Токтарбая.

«Кобланды, мой любимый сын, мой тринадцатилетний сын! Быть обратно тебе пора, Бывай, как верблюду-бура. С пыльным волосом на груди, С верблюжатами позадю, И в какой же ты стороне, Где найза твой и чокчар, О блистательный, как тулпар В многотысячном табуна! Видишь, слезы мои текут, Я горюю, простертый ниц. Где летаешь ты, мой беркут? Много ль в мире подобных птиц, Что с охотничьих рукавиц Рвутся в небо и зверя рвут? Кобланды, мой любимый сын, У родителя ты один, Помыкают кяфиры мной, В клоуна рван мой халат-кичим, И гуляет ветер степной По коленным голым моим».

Затем Кобланды слышит голос своей матери Аналык:

«Мне зайчата снились в лесу, Я в подоле кизак несус... Токтарбай, мой бедный коши, Больше нет ведь у нас детей, — Аналык, супруге твоей, Вспомнить первенца разреши. Мне сегодня в ночной тиши Южный ветер лицо согрел, Южный ветер лицо ласкал, Не бурый ли это, пострел, С нашим мальчиком прискакал, Чтоб вернуть мне жаром ноздрей Радость вышнюю матерей? Токтарбай, описишь назва: Чья-то тень стоит за тобой, Но ягненок ли это мой, Различить мой не может взгляд. Я сегодня примет полна: Расчесалась моя спина, Будто грубиян на мне халат, Без подкладки из полотна; Оба старых моих бедра, Что морщинистей, чем кора,

Расчесались еще с утра, Будто я на бурю с бугра На коне скакала вчера, Да лопно вновь поляны молока Два пустых, два вялых мешка, Что над ложечкой я ношу: Вновь мне ноша эта тяжка, Словно, к сердцу прижав божка, Вновь я, кажется, оршу Ротик жалкому малышу... Ах, не брызнут ли две струи? Губы тоже зудят мои, Стовно сына теперь опять, Как обрадованная мать, Буду ими я целовать; Вот, задержавшись в добрый час, Говорит мне правая бровь, Что увижу я сына вновь, Что Аллах его чудом спас И сберет бесценную кровь, Чтобы вновь осветлится нас. Поспеши, мой сын, поспеши: О Куртке горюет свекровь — Ей навязывает любовь, Грязный хан, лишненный души, Ей грозит калмык Алчагир, Поспеши, Кобланды-батыр!».

В это время старая мать Алчагира, гадая, говорила ему: «Верблюжонок мой Алчагир! Зоркой матери верь своей! Грозно сдвинул пару бровей, Самый страшный из всех загир, Скачет к нам Кобланды-батыр, Не боиндиси ни сокур, Ни чокчаров, ни кистей! — Не терять же времени, сын мой! Верит все ворожее старух, А того, кто упрям и глух, Не хранит его предка дух. Над жаровой гадала я: Что греховней, чем речь твоя? Ничего в ней мудрого, сын мой. На сновивый трон золотой, Ах, боюся я, сядет кичак, Я томлюсь, как перчат бедой: Наглядимся мы наташак, Как сливает он твой удой, Как считает стада твои, Как лобает латы твои... Зорким глазом ворожеи Я провижу все это, сын мой! На престолу Ханникей,

На известную Тинжей Он слетит как беркут-злойей На безмощных лебедей, Не видать этих милых дед нам, Свет затмит он твоим ханевнам, Двум подруженкам задумевным, Но, лишь только звезда — Шопан Из полнотых вернулса стран, — Поклонившись богу-алле, Снова калмык сядет в седле, Кобланды их опереди, Доскакал до вражских ворот, В них он пикой заколотил, Заревел, как верблюд-ревет; «Эй, где ты, хан Алчагир? С Кобландом сразись, Чигир! Свой лук ты, палат, захвати, Брони — саут захвати, Кистень-чоклар захвати, Кинжал-канджар захвати, Топор ты свой захвати, Сто стрел ты, вор, захвати, А если б сумел найти, И мужество захвати!»

Много подигов Алчагир Совершил на своем веку, Правоверных этот кяфир Обезглавлявал на скаку, Запытал он гневным огнем, Услыхав, что кричат о нем, Увидав, как тяжким дубьем Разбивают его ворота, Вот с'ежались стали они: Засверкали в глазах огни, Желваки напряглись у скуд, Острые влеклось к острию, И в Бурляю морду уткнул Ковь калмыка морду свою, Шибя молний под рев грозы Врзуг сверкнули ирки-найзы, Рукояти из князя Сжали оба, пиевом бурля, Конской пеной взбухла земля, И кровавой струей сопля Потекла по губам калмыка, Он голодным присел хорьком, Но сила его вражья пика, Чтоб не эзлит его верхком, Поднимал батыр найзу, Помирал Чигир винзу, Алчагиров слался оплот, И раба, не веря свободе, Из вторгора реял, как скот, От открытых настежь ворот Поваялил, теснясь в проходе.

Запуженный артист Н. Байситов в роли Тулпара («Кыз-Жибек» в Государственном казахском музыкальном театре)

ПОЭМА О КОБЛАНДЫ-БАТЫРЕ

По своим художественным достоинствам казахская народная поэма выдерживает сравнение с устной поэзией наиболее прославленных в этом отношении народов.

В ряду других казахских поэм «Кобланды-батыр» отличается особой мужественностью, множественностью батальных сцен и почтенностью возраста, достигавшегося многими столетиями. Герой этой поэмы, Кобланды-батыр, является старшим из казахских батыров и, в качестве легендарного национального героя, участвует в событиях, описываемых и в других поэмах, например в «Бр-Сак-Ше».

Поэма делится на три части: пролог Кобланды-батыра, поход на калмыков и возвращение из похода с последующим изложением родного племени от рабства.

Сам Кобланды-батыр не отличается особым умом, представляя думать за себя свою мудрую и предусмотрительную жену Куртку, играющей при нем, если можно так выразиться, роль разумносна, в то время как он, свободный от этого лишнего груза, предпочитает носить только свое оружие.

Его товарищи по походам, Караман, которому тоже нельзя отказать в храбрости и мощи, во всем остальном является противоположностью Кобланды-батыру. Будучи одаренным выносливостью, выносливостью и беззащитностью. Эти качества он последовательно демонстрирует на протяжении всей поэмы, причем благодаря им на общем патетическом фоне вещи выступают как комические персонажи.

Последнее действующее лицо поэмы, которое надлежит ярко выразить индивидуальным характером, это дочь калмыцкого хана Карлыга. Она — олицетворение слепой любви, способной толкнуть свою жертву на какое-нибудь предательство. Преставленная своим отцом в плененных им Караману и Кобланды, которых эта батырская девушка, между прочим,

уносит подмышками, Карлыга влюбляется в Кобланды, освобождает его и его друга, бегет с ними. Когда их настигает ее отец, она помогает Кобланды убить его.

Кроме этой группы действующих лиц, лиц, выписанных необычайно реально, в поэме действуют еще две группы: с одной стороны, это враги Кобланды, которые все более или менее похожи друг на друга, а с другой стороны — три члена его семьи: отец, мать и сестра.

Враги все иповерны. Тактика в отношении их всех одна: руби с отчаяньем. Тактика же касается трех членов семьи Кобланды, то их роль достаточно пассивна для того, чтобы не называть их индивидуальными чертами. Замечательно, однако, то, что все они несут весьма сходную нагрузку: будучи почти совершенно бездейственными, они использованы для проведения длинных монологов, являющихся украшениями поэмы. Этими монологами начинается и завершается поход Кобланды.

Но все ли герои здесь названы? Нет, наряду с героями-людьми в поэме действует еще один герой, героиня-животное, и это герой первого ряда. Я говорю о коне Кобланды-батыра, о том Гай-Бурмане, который умеет говорить и у которого одна дупля о его хозяина. В роли, которую он играет, выразилось общее отношение казаха-кочевника к своему коню. Что касается внешних формальных особенностей поэмы, то они в отличие от эпоса многих других народов выделяются особой красочностью и многообразием: определениями, по большей части стремительно-аналитический, семи-восемисложный стихотворный размер, богатая, часто глубокая, многократная повторяемость рифма (при отсутствии определенной строфы), аллитерация и т. п. — вот арсенал средств, которыми приходится вооружаться для перевода «Кобланды-батыра».

Н. ДМИТРИЕВ

На поиски Кыз-Жибек

ОТРЫВОК ИЗ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭМЫ «КЫЗ-ЖИБЕК»

Сразу трижды был бай Базарбай женат, Десятью сыновьями он был богат, Но непрощенный гость, холера-об, Унесла этих девять его ягнят, Потерял он всех девять своих ягнят, Жен утробил своих после тех утрат, И украсила сыном осле из них На девятом десятке его закат. Сорок пятый шел год той младшей катан, У которой от байа родился сын, И отцовское счастье в день тех родов Не сумел бай воспеть никакой акын. Сын, нежданно захваченный этой женой, Отдался в божественной красоте, Дали имя ему Тоголен — «платеж» — Гости, съехавшие на пышной той, Базарбай, мальшом своим дорожа, За терпенье дождался в нем платежа, Санысыбай затем через девять лет Родила ему младшая госпожа. Не платил за сыновних невест калмы Не хотел, вопреки наущеньям злым, Дума, тем отгнать от из зависть судьб, Дума: «Трудно ли жен любить удалым? У меня бы хватило казны моей, Дай хоть сам палиша своих дочерей, — Могут высмеять выбор мой сыновья, Иль не выжить, чтоб горечь была острее». Тоголен, к неизвестной душой влеком, Стал с двенадцати лет развешивать верхом, Был везде, куда конь только мог попасть, Как-то раз их ала посетил купец, О семье той алаи рассказал купец: «Всем скапчан купец этот бай Базарбай!» — Так смеялся над ним, так шутил купец, «Отчего», — говорил он, — так был жесток? Сын — отцовского глаза живой блек, Счет потерял стадам, и такой богач Сыновей на безобразье своих обрек!» «Нет, причина, — сказали ему, — не та: На калмы бы жалеть он не стал скота, Сам всех виденных им Тоголен отверг,

Недостаточна их была красота, С Тоголеном оставшись наследие, Сообщил ему старший купец тогда: «Если ты возмечтал о такой жене, Что прекрасна не менее, чем звезда, Я скажу тебе, где ее сыщешь ты, Где исполнятся могут твои мечты: Ак-Жаиком зовут этот дивный край, И кокету там племя Алты-Шекты. Я клянусь тебе — если бы ты проник На прославленную женщину Жаик, С Кыз-Жибек бы ты шельмой в брак вступиш, Поезжай!» — Тоголену сказал старик, Тоголен хоть сейчас был готов скакать, Ак-Жаик хоть сейчас был готов искать, Он семаднатим своим селом торбах, Знал, что либо должно ему дотакать, И прибавил купец: «Ты семаднат дней Дожди сжать: путем, что из двух длинней, Но другому его предлочи путь, От любовной мечты, мой сын, не пляней, Сорок дней только отнял бы краткий путь, Но повинен в большом недостатке пути: На его протяжении нет воды, Нехорош, обжигающий пятак пути». По какой же ити из дорог ему? Кто б достичь Ак-Жаика помог ему? Если б кто-нибудь вывелся проводить, Сто бы жамб отсчитал он в залог ему, Взяв тулпар-отца, что летал орлом И что крылья, казалось, нес под седлом, Собрив золотом сбрую его, турман, Тоголен подковыал его серебром, Сомашветы на сбрую его зажался, Сто сжигнот его провозжат являлся, Девять иврий в своем торбах, В своей верховной ярмак для него выпряжился, Да хранит путешественника куда! Сорок наров несли его сахар-чуй, И когда отправлялся он в дальний путь, Первый месяц весны был, наурызай.

В раннем возрасте каждый пел, Между играми пел о том, Как развлекался с своей Жибек Тоголен в разбеге кругом.

Фабула этой поэмы, пожалуй, несколько сложна для детского слухового восприятия (в дикрето одноименного спектакля она кокетно упрощена). Но о счастье влюбленных в ней идет речь, но о страданиях, которые они претерпевают, разумеемые временем, расстоянием, предрассудками людей, имеющих над ним власть.

Исполняющие эту немалую по размеру поэму, народные акыны с замечательным искусством держат в напряжении внимание своих слу-

ПОЭМА О КЫЗ-ЖИБЕК

Под названием «Кыз-Жибек» нам известны два произведения казахского искусства: народная поэма и музыкальный спектакль. Наряду с поемой «Кыз-Жибек» и «Баян-Суду», поэма «Кыз-Жибек» занимает крайнее место на том фланге казахского народного эпоса, который можно назвать лирическим. Удивительная нежность и теплота чувств, насыщенный пропитывающий эту прекрасную поэму.

Любопытно, что в поэме «Кыз-Жибек», в этой красочной хронике перипетий, которым подвергается любящие сердца героев, в поэме, где почти каждая строка говорит о любви, — в этой поэме почти нет элементов эротики, в ней, несмотря на ее восточный характер, почти нет того, с чем у нас неизбежно связывается представление о восточной поэзии: в поэме есть любовь, но нет чувственности; в ней есть нежность, но нет престоковой «неги». И в этом одна из главных национальных особенностей казахского фольклора. Благодаря этой целомудренной черте поэма «Кыз-Жибек» никогда не являлась достоянием одной только взрослой аудитории. Образы героев этой поэмы входят в сознание казахов с детства лет. Об этом говорится даже в самой поэме:

«Характерно, что среди главных действующих лиц участвуют народные певцы: жигиря Каршыха и акын Шеге, которые о ларом песен сочетают лар дружбы и самоотверженно-го служения своим питомцам. Диалог между героями часто принимает форму песенных составлений («айтысы»).

По богатству и яркости формы эта поэма не уступает другим сокровищам казахского фольклора. На русский язык с казахского она переведена поэтом Марком Тарловским.

М. АУДАРГАН

ЗАМЕТКИ О КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

На писательском пленуме в Минске казахский поэт Илья Джансугур прочел свое приветствие пленуму в стихах. «На востоке — степи Казахстана, а на западе — Белорусь... Необходимо было огромное усилие воображения, чтобы представить себе масштабы пространства, отделяющего Белорусь от Казахстана. Московский поэт от границ до столицы Казахстана, Алма-Аты идет трое с колованной сукон. На территории советского Казахстана уместилась бы великая Украина, Белоруссия, ЗСФСР, Туркменстан, Узбекистан и Таджикистан, т. е. шесть соловых республик. Громогласная страна! Страна передового скотоводства, неисчерпаемых запасов угля, нефти, цветных металлов, страна степей и гор, оваремама огнями Караганды, Риддера, Чимкента, Сарканды, Коурада. Эмбы, страна неограниченных возможностей социалистического творчества, — вот что такое советский Казахстан...»

Две тысячи, тысячу, пятьсот лет тому назад здесь, по среднеазиатской равнине, пролегли великие магистральные истории. Но нам двести тысяч лет восточная история, а запад, а юг на север, на Азию в Европу. Здесь было государство гуннов. Ему на смену пришло государство сяньби. Здесь возникло и разрушилось великое Монгольское царство. Чингис-Хан и Тэмэрган отсюда совершали свои завоевания. Пятьсот лет тому назад на племя, кочевавших в степях нынешнего Казахстана, возник оформившийся в племя казахский народ. В XVIII и XIX веках он становится

объектом завоевательной политики царизма. До самой революции Казахстан был колонией русского империализма.

Память об этих тысячелетиях сохранилась в казахском фольклоре, знакомство с которым представляет огромный художественный интерес. До революции почти сплошь перемоганные, казахи были художественно одаренным народом. Богатства казахского фольклора поистине неисчерпаемы. Но он еще далеко не весь изучен. Систематическое собрание его началось лишь в последние годы. Один только народный артист Казахстана А. Затаевич написал и опубликовал полторы тысячи народных казахских песен. По существу, только сейчас сам Казахстан узнает свой фольклор. Большой важности задача поставлена в этом направлении перед Наркомпросом Казахстана, алмаатинским Институтом национальной культуры и писательской общественностью.

Казахский фольклор складывается как из множества небольших песен, стихотворений, сказок и легенд, так и из величественного героического и семейно-бытового эпоса, существующего и тому же в разнообразных вариантах. Традиционным казахским писателем М. Ауэзов, прозаик, драматург и знаток фольклора, приводит такой факт: отношения к родственным казахам киргизскому фольклору: последний вариант «Манас», киргизской героической эпопеи, «записанной на уст былинного сказителя Сарыгана (запись даялась в течение трех лет и закончена в 1926 году), поражает прежде всего своей простотой. Все произведение условно разбито на десять томов (вер-

нее, циклов песней) по 500 страниц в каждом томе. Убожество страничек записей включает в среднем по 48 стихотворных строк. «Манас» одним своим размером представляет океан поэзии, так как на протяжении этих десяти томов только в плече мерная речь не прерывается произнесением повествовательных? Казахский эпос мало отличается в этом отношении от киргизского.

Перед нами лежит книга, изданная с обычной для казахстанского красного издательства выдержкой: «Песни о Козы-Карпеше и Баян-Суду». Это один из лучших образцов казахского фольклора, — так рекомендует книгу предисловие. Произведение «Песни» относится к XIII—XIV векам. «Песни» — трагическая история любви молодого Козы к прекрасной Баян. В различных ситуациях и мотивах «Песни» можно уловить ее созвучие с фольклором других народов как восточных, так и европейских. Перевод, несколько отступающий от оригинала и в частности от ритма, но вполне удовлетворительный, принадлежит Г. Терришину. И. Джансугур пишет в предисловии, что «Песни» по своему значению для казахского народа является таким же документом эпохи, как «Слово о полку Игореве» для русских, «Калевала» — для скандинавских народов или «Песнь о Нибелунгах» — для немцев. «Песнь» захватывает нас прежде всего происходящим через все книгу лирическим мотивом, который выражает непосредственно поэтическое восприятие казахской природы: степей, ветров, солнца, воды, — ощущение прекрасных казахских пространств.

Тихим вечером о солнце Степь-красавица загустела... На ветках, на траве слезы

Серебром росы блестяли, Затуманились овра, Камыши зашевелили, Зашептали сытым уткам, Что пришла пора им выплыть На простор-вервольной глаза, Где, прощаясь, мылось солнце.

Наивно-поэтический патетизм «Песни» проявляется не только в пейзажах, но и в ряде сюжетных коллизий, где описываются магические действия человека. То, что писал Марко о младенческом искусстве Омлалды, сохранившем свое обаяние до наших дней, в конечном счете относится и к фольклору, в частности — к казахскому. Руководитель казахстанского музыкального театра, Б. Брусиловский, писал, характеризуя казахскую музыку: «Никогда чувственно-сенсуальный мотив не прозвучит в казахской песне или копе. При этом если это не задушевные и уютные отголоски некоторой задушевной уютности, то оно никогда не переходит в аскетизм». Эта же целомудренность свойственна и словесному казахскому эпосу. Сюжетом «Песни» является любовная трагедия, раздуха, борьба за женщину. Аскетизмом тут и не пахнет, но нет тут и той яркой чувственности, которая присутствует в соответствующем произведении южных народов Востока. В этом смысле казахский фольклор является как бы соединительным звеном между фольклором южным и фольклором северным, сдержанным и в какой-то мере уже аскетическим.

А в то же время казахский эпос обобудует богатством реалистического фона, реалистических образов и деталей, органически существующими рядом с наиболее фантастическими образами и наиболее магическими акциями. Казахские сказки (названо в Алма-Ате на русском языке изданная книга казахских сказок «Сорок небывалых») сочетает в себе фантастику с реалистичностью, тем более неясно и непосредственно, что и то и другое — свойства того младенческого (в марковском смысле) взгляда на мир, который присутствовал в прошлом казахского фольклора.

Разумеется, до нас дошел не непосредственно народный эпос, но пре-

имущественно эпос, пропущенный через юрту Феолаза и бая. Феолазский эпос имеет очень сильное казахское влияние, страдания и поэзия народа дошли до нас сквозь вева часто в стилизованном, приращенном и искаженном виде. Феолазизм, а вслед за тем буржуазный национализм, вплоть до алаш-ориндизма и их эпигонов, немало потрудился над тем, чтобы замять чистый источник народного творчества. В «Песне» совершенно благородного Козы, женяка Баян, выступают Козар — пастух и к тому же калмык (здесь сказано: «Здесь пастух и калмык»), Козар (мстук! калмык!) изображен злоедем, трусом и придураченным парнем, — и это как нельзя более соответствует требованиям, которые предъявлялись бы и народным певцам. Но тот же Козар предстает перед нами богатырем, он совершает героические подвиги. Противоречивый образ? Да. Это противоречие выражает не что иное, как противоречие между народной основой фольклора и феолазско-башей оболочкой, в которую фольклор насильственно вписывался. Авторы статей о казахском фольклоре (М. Ауэзов и С. Асфендияров в сборнике Института национальной культуры, С. Аманжолов в журнале «Литературный Казахстан» и др.) правильно подчеркивают наличие в этом фольклоре феолазско-башей оболочки. Но при этом чудно иметь в виду, во-первых, то, что впитывает до конца народную, глубочайшую основу фольклора не удалось, а во-вторых — то, что национальная народности в «Песне». «Кыз-Жибек» и в других произведениях казахского эпоса во всяком случае не меньше, чем в эпосе русском.

«Песни» — единственное крупное произведение казахского эпоса, уже опубликованное на русском языке. Только теперь обещает «Академия» издать сборник казахского эпоса. Героические, богатырские («батырские») произведения, как «Кобланды», «Бр-Сак-Ше» и др., до сих пор не опубликованы. Пора сделать казахский фольклор достоянием всех народов СССР!

После установления в 1920 году советской власти в Казахстане казахский фольклор получил новые импульсы для своего развития. На на-

ших глазах возник советский казахский фольклор. Анугам — певцам Азербайджана соответствуют казахские акыны — импровизаторы и жигиря — сказители. Недавно в Сталине была выпущена песня о Сталине, сочиненная одним из талантливых импровизаторов. Песни акынов о Сталине составят целую книгу. Поэт народного творчества не несет ни на минуту обрывать ту почву, на которой и вырастает молодая советская литература Казахстана.

Некоторые писатели народов СССР, борясь с национальной ограниченностью своей литературы, не так еще давно прибегали к откату от использования форм искусства своего народа и к прямому заимствованию форм современного русского искусства. Так, в ряде случаев ориентация на современную русскую поэзию привела к своеобразной ориентации на свой народный фольклор. Это «дево-» натуралистическое противопоставление, разумеется, только сдерживало развитие творчества. Казахская советская литература если и знала это явление, то лишь в очень смутной форме. Наоборот, несомненным достоинством казахской советской литературы является то, что она вырастает в процессе непрерывного оплодотворения фольклором. При этом близость к фольклору не исключает, а предполагает преодоление узко-областной, узко-казахстанской тематической, равно как и консервативной традиционной форм. Именно поэтому для творчества многих писателей Казахстана характерно наступившее стремление раздвинуть границы своей тематики за территориальные пределы Казахстана. Понятно, что один из крупнейших казахских писателей, С.Бит Мухомов, написал недавно поэму «Великий мейдаль» о казахской эпопеи. Но и С.Бит Мухомов, и М. Ауэзов, и С. Сейфуллин, и И. Джансугур, и Б. Майдилу, и Мусрепов, и талантливый писательский молодежь, — всем им в той или иной степени свойственно обращение к фольклору, использование его образов, его мотивов, форм, приемов.

Только сейчас мы приступаем к действительному ознакомлению с молодой, интересной литературой Казахстана. Десяти казахского искусства устремляет внимание всей нашей литературы в сторону Казахстана. Но для того, чтобы казахская ли-

1. Недавно в издании КрайГПЗ вышел первый том «История Казахстана» С. Асфендиярова. При наличии некоторых недостатков книга эта содержит, однако, интересный фактический материал.

2. Труды Казахского института национальной культуры, т. I.

3. Стр. 129, С. 4 руб.

4. «Казахстан». Лит.-худ. сборник. Алма-Ата, 1935.

ИЛЪЯС ДЖАНСУГУРОВ

В плетле казахских писателей, выдвинутых Октябрью, одно из самых первых мест, несомненно, принадлежит Ильясу Джансугурову — поэту, прозаику, очеркисту, переводчику и прекрасному знатоку фольклора.

Происходящий из семьи бедных и нетрадиционных кочевников, Джансугуров вошел в литературу в 1918 году. Первые свои стихи, очерки и рассказы он посвятил Великой пролетарской революции, раскрепощенной народы. Надо заметить, что первые произведения Джансугурова отражали националистические и народнические настроения писателя, которые он, однако, скоро преодолел. К 1923—1924 г. Джансугуров определяется как один из виднейших поэтов и фельетонистов советского Казахстана.

Работа в большевистских газетах значительно помогла Джансугурову в его политическом и творческом росте.

С 1927—1928 г. Джансугуров прочно занял в казахской литературе одно из виднейших мест.

Поэтические произведения Джансугурова — «Гимналы», «Кюфискация», «Дала», «Кюйши» и др. — входят в основную фонд казахской поэзии. В них поэт показал, как из отсталой царской колонии Казахстан стал плетущей социалистической страной.

Язык Джансугурова сочен, красочен, образен и прост. Простота и образность родит поэзию Джансугурова с образами народного творчества, знатоком которого он является.

Стихи Джансугурова напевны, музыкальны, богаты аллитерациями. Особенно удачны те поэтические работы Джансугурова, которые по стилю и содержанию тесно связаны с народным творчеством.

Там, где поэт хочет приблизиться к русским и европейским стихотворным формам, его часто постигают неудачи. Неудачи эти, свидетельствующие о новаторской работе, не смущают Джансугурова.

Поэтические вещи последнего периода (поэма «Поход», отражающая человеческую эпопею и др.) свидетельствуют о крепнущем мастерстве поэта.

Не менее успешно выступает Джансугуров и как прозаик. Повесть его «В пути» заслуженно пользуется в Казахстане большой популярностью.

В повести «Даркана», характерной для творчества Джансугурова, он проследил путь казахского бедняка Даркана на степи, где он пас баярский скот, через шахты, мастерские, партизанский отряд, к работе в качестве инженера на заводе-гиганте. Образ Даркана дан с подкупающей простотой и теплотой. Десятки и сотни тысяч вчерашних байских чабанов прошли пути Даркана и сейчас строит социалистический Казахстан. Образ Даркана — это образ глубокой жизненной правды и большого социального обобщения. Удачней писателя является и то, что он рисует своеобразные условия, красочно передавая колорит края, изобилует «эпитетами». Путь «эпичного» казахского ковбоя Даркана оказывается, по сути дела, одинаковым с путями алжарского пастуха, карельского аэрогоя, русского батрака и т. д.

В настоящее время Джансугуров работает над большим романом «Джодластар» («Товарищи»).

Пьесы Джансугурова «Нек» (о классовой борьбе в ауле) и «Туркис», где разоблачены националисты и показана борьба за интернациональные кадры социализма, не сходят со сцены казахских театров.

Работая над большими эпическими полотнами, Джансугуров время от времени выступает с очерками и фельетонами, выразительными по форме, с глубоким содержанием.

Портрет этого неутомимого и талантливого представителя казахской литературы был бы недорисован, если бы мы не сказали, что именно Джансугурову принадлежат лучшие переводы на казахский язык произведений Пушкина, Лермонтова и Горькова.

Многогранное творчество Джансугурова русскому читателю знакомо только по отдельным переводам его вещей. Если переводы прозы Джансугурова, сделанные Шариповым, можно считать успешными, то переводы стихов его, принадлежащие Стенгу и отчасти Гореловскому, к числу удачных отнести нельзя.

К. АЛТАЯНСКИЙ

Слово месяц, изогнутый в небе ночном, Отливает сверкающий лоб серебром. Жизнь струится из черных, как полночь, очей, Брови вкинули иссиня-черный излом.

Легкий нос опускается, узок и прям, Розов ответ ланит — удивленные очам, Сердце влечет, плываю, улыбка, когда Блещут зубы, подобные жемчугам.

Речь нежна и умна — тонкий лепет ручья, Смех, как рокот заливчатый соловья, Шея — шелк белоснежный, гибка и тонка, Чист и свеж подбородок, прохлада тая.

Средний рост у нее, но величествен взгляд, Тонко выгнуты спины, прямо, смело взгляд. Камышинок легкий сбивается стан, И не дрогнут два яблока на груди.

По ребристым нежен ее локоток, Пальцы гладки, проворны, блестя ноготок, Не владея собой, разбегается взгляд, Если косы рассыпаны черным потоком.

Заслуженная артистка Кулыш Бай сегова в роли Ходимши («Жалбыр» в Государственном казахстанском музыкальном театре)

О красоте АБАЙ КУНАБАЕВ

Слово месяц, изогнутый в небе ночном, Отливает сверкающий лоб серебром. Жизнь струится из черных, как полночь, очей, Брови вкинули иссиня-черный излом.

Легкий нос опускается, узок и прям, Розов ответ ланит — удивленные очам, Сердце влечет, плываю, улыбка, когда Блещут зубы, подобные жемчугам.

Речь нежна и умна — тонкий лепет ручья, Смех, как рокот заливчатый соловья, Шея — шелк белоснежный, гибка и тонка, Чист и свеж подбородок, прохлада тая.

Средний рост у нее, но величествен взгляд, Тонко выгнуты спины, прямо, смело взгляд. Камышинок легкий сбивается стан, И не дрогнут два яблока на груди.

По ребристым нежен ее локоток, Пальцы гладки, проворны, блестя ноготок, Не владея собой, разбегается взгляд, Если косы рассыпаны черным потоком.

Уши девушки нежной цветут красотой, Но не долго беречь им душевный покой На прекрасной заре восемнадцати лет Грудь, упругое яблоко, смято рукой.

Затаили лукавство, притворство одни, Будто восток о страсти не знают они, И уж слишком откровенны другие, ведя Жизнь кокетства, ужимок и болтовни. Мы же хитрости девичьи знаем давно. Тот им мил, кто всегда уважает льдом.

Так и юноши: эти, про стид позабыв, К недоступному свой устремляют прыжки, Те — скромны и тщеславны все же чужды, Терпеливы и каждый из них молчалив.

Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем Не растрастил себя на тщеславный пусом, Кто себя воспитал на полезном труде, Кто работал хотя бы простым пастухом.

1884 г.
Перевод с казахского В.С. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

ИСКУССТВО КАЗАХСКОГО НАРОДА

Г. ТОГЖАНОВ

До Октябрьской революции Казахстан находился под влиянием двух культур — исламской и русской. Главными расадниками ислама среди казахов являлись ханы и султаны, татарские и узбекские мурлы и кунды. Они насказали «культуру» в казахские степи, заставляя казахов обучать грамоте на арабском языке и даже переписку между ханами и их должностными лицами велась исключительно на полуграрском-полуграрском или полуграрском языке. Казахский народный язык для ведения государственных дел и развития письменности и литературы считался недостойным. Однако язык казахский вечно изогнулся из обихода ханов и султанов.

Исламизм не ограничился преследованием казахского языка. Он ввел в казахский быт и казахское искусство. Игра на домре, кобызе, сымбане и тому подобных национальных музыкальных инструментах считалась несомненной с религиозной точки зрения. Казахская история знает немало фактов, когда мурлы, казахские султаны и родовые феодалы отрывали нос, ухо или выкалывали глаза непослушным казахам за то, что они осмелились нарушить запрет, играть на домре. Отдельные ханы, султаны и родовые феодалы держали при себе певцов на правах слуг — жерестюпов, но в их обязанности входило только восхваление своих хозяев.

Еще большему гонению подверглось казахское народное искусство во времена царизма. Царские правители жаждали проливать казахские султаны и родовые феодалы беспощадно подавлять малейшее стремление казахов к развитию своей культуры, в частности, искусства.

За время 200-летнего колониального господства русского империализма казахский народ не мог создать ни одной школы на родном языке, ни одного театра. Казахская литература подвергалась гонению со стороны царской цензуры. Но несмотря на эти гонения казахский народ создал свое искусство, выдвигая в ошей среды талантливых народных актеров-импровизаторов, певцов и композиторов. Лучшие из них правды отражали в своем творчестве чаяния казахских масс, их борьбу против классового и национального гнета, рабская врагов народа — царских сатрапов, казахских султанов и баяв.

Авторы этих произведений жестоко преследовались и подвергались издевательствам господствовавших классов феодалов и царской власти. Известный народный поэт, один из руководителей и вдохновителей восстания казахов против русского империализма в 40-х годах XIX в., Махамбет, был зверски убит царскими приспешниками. Талантливый народный композитор Курмангазы, оставивший после себя около 50 мелодий (инструментальные пьесы), неоднократно арестовывался и осаждался в Сибирь. Популярный певец и композитор Жайау Муса за борьбу с казахскими султанами и родовыми феодалами несколько раз подвергался насилию и тоже неоднократно ссылался царской властью.

Широкое развитие получило казахское изобразительное искусство, в частности, орнаментальное искусство (ковры, дошмы, платки, халаты и т. д.), художественная обработка изделий, узорчатая домашняя утварь и т. д.

Расцветом и казахская художественная литература. Если раньше у казахов почти не было письменной художественной литературы, то сегодня казахы на родном языке выказывают произведения не только своих казахских писателей (Сейфуллин, Майлина, Джансугурова, Муканова, Ауэзова и др.), но и классиков мировой и русской литературы (Толстого, Пушкина, Гоголя, Горького, Шекспира, Байрона, Гейне, Гете, Мольера и др.), а также видных советских писателей (Серфимовича, Шолохова, Иванова, Б. Яковлева, Фурманова, Соболева, Кирцова, Афиногенова, Подольная и т. д.). Советский Казахстан имеет более 70 писателей, организованных в Союз советских писателей, и около 60 народных актеров-импровизаторов и жырши-эпических, которые воспевают новую, рождающую и счастливые жизни возрожденного великим Октябрьем казахского народа.

В развитии современной казахской литературы характерен один факт, определяющий содержание казахской литературы. В современной казахской литературе (устной и письменной) почти не было интернациональных мотивов — казахская тематика и национальные мотивы довели над всем. В современной литературе (устной и письменной), наоборот, преобладают интернациональные мотивы. И в песнях верных актеров-импровизаторов и в произведениях казахских писателей уже национальные мотивы переросли в интернациональные. О походе человечества, в котором жила вся страна, казахскими поэтами и акторами написано около 60 поэм и песен. Образы Кирова посвящено около 30 рассказов и стихотворений. Десятилетиями народный актин Дзамбул сочинил песню о родине, она от начала до конца интернациональна.

Интернациональными мотивами насыщены песни народных актеров: Мамбета, Оруба, Тормагалеба, Бека и др. Во всех новых песнях казахских актеров и жырши с беспредельной искренностью воспеваются любовь казахского народа к своему социалистическому отечеству — СССР, к его вождям и героям. Казахским актин особо удалось искренне, полно и ярко передать в своих песнях чувство и неограниченную любовь казахского народа к вождю народов — тов. Сталину.

Хотел тебя с океаном сравнить — И в океане порей корабль С распортым днем сплыв на мелководье. С полярной звездой хотел сравнить, Она, как приколота звезда, Вещо сринт на месте своем.

С горями хотел я тебя сравнить Из гор тебе не равна ни одна — У каждой горы вершина видна. Не мог тебя и с солнцем сравнить, Модег и солнце порой замятеть. Свистит оно лишь в ясные дни, Сталин! Сравняешь не знает старик, Сталин, как вечный огонь, горит! Сталин, как вечный огонь, горит!

Так могут говорить только поэты возрожденного народа.

Пытаясь Ленина — Сталина отыскать перед молодым казахским искусством широчайшие перспективы.

Цветущее и радостное казахское искусство займет одно из первых мест среди искусств народов, которые велег великий Сталин.

История кочевого казахского народа сложилась так, что изобразительное искусство казахов не имеет ни одной точки не имеют статуэток и фресковой живописи и скульптуры. Изобразительный гений народа проявился в другом: в рисунках ковров, в орнаменте копы, в убранстве юрты, в прекрасных украшениях ошей, уздечек, оружия, поясов и т. д.

Сорок полотен, привезенных из Алма-Аты в Москву, являются скорее произведениями о Казахстане, нежели произведениями Казахстана.

Большинство картин принадлежит кисти Худлова.

Худлов очень тонко чувствует колорит края и передает его просто и выразительно.

В его полотнах отразилась и природа Казахстана («Горный пейзаж», «Иссык-Кульское озеро», «Алматынский водопад») и быт края («Толченые арты», «Стрижка баранов»). Художник дает и портреты казахов («Молодая казахская женщина», «Мальчик на коне»).

Три десятка полотен Худлова являются маленькой энциклопедией Казахстана, передающей своеобразие этого края в красках и линиях.

Большой интерес представляют три полотна Телмеева, изображающие охоту с беркутом.

Картины Ритиха («Старый и новый Казахстан») и Борникова («Девушка нового Казахстана») являются попытками передать контуры нового, советского Казахстана.

Гораздо богаче и красочнее представлены самолюбное изобразительное искусство казахов.

Здесь прежде всего останутся внимание зрителя селла и уздечек, украшенные серебром и эмалью, копы со своеобразным орнаментом, коври, браслеты и перстни, поясы и т. д.

Центральный музей Казахстана предоставил для выставки султано-скую шапку, женские бархатные камзолы, «саукеле» (свадебный головной убор), албалу (топор), украшенный серебром и бирюзой, всевозможное оружие и домашнюю утварь.

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

Сейфуллин начал писать, будучи молодым учителем в ауле. В первые дни революции он вступил в ряды большевистской партии, принимал активное участие в организации первых советов в степи, боролся с колачавскими и алаш-ордынскими бандами.

Первый сборник стихов Сейфуллина «Оттеп-Кундер» («Минувшие годы») вышел в 1915 году. В этих стихах яркатируется колониальная политика царизма в Казахстане. Это был ученический сборник. Самостоятельным современным мастером Сейфуллин выступил только после Октябрьской революции.

Из среды казахской интеллигенции он первый становится певцом революции и диктатором пролетариата. Стихи «К работнику», «Товарищи», «Марсельеза молодого казаха» написаны им в 1917—1918 годах.

Пьеса его «Красные соколы» и мемуарная повесть «Трудный путь» отображают гонимую казахскую войну в Казахстане.

Сейфуллин является крупнейшим представителем казахской литературы. В лучших своих поэмах «Советская», «Альбитро», в сборниках стихов «Дикие Тулпары», «Домра» он показывает советский Казахстан, его битву, борьбу, социалистическое строительство.

В казахскую поэзию он внес не только новые, революционные идеи, но и новые формы поэтического мастерства. Сейфуллин расширил возможности поэтического языка, ввел новые размеры, рифмы, приблизив казахскую литературу к русской и западно-европейской.

Сейфуллин выступает и как прозаик. Пользуется большой популярностью его повесть «Землекопы», рассказ «Айна» и др.

Творческий путь Сейфуллина был не без ошибок, но эти ошибки он преодолел. В замечательной поэме «Красный конь» Сейфуллин дал образное отражение гению Сталина, указавшего шесть условий победы.

Поэму эту читали везде — на новостройках, в бригадах, в аулах, пези под дождем и т. д.

Сейфуллин широко известен не только как поэт и прозаик, но и как один из лучших знатоков казахского фольклора, как критик и литературовед.

В этом году Казахстан и вся Советская страна отмечает 20-летие литературной деятельности Сакена Сейфуллина.

Во второе двадцатилетие Сейфуллин вступает в полном расцвете своих сил.

САБИТ МУКАНОВ

КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАЗАХСТАНА

В дни декады казахского искусства в Москве организуемая книжная выставка, демонстрирующая достижения советского Казахстана на книжном фронте.

За все 500 лет исторического существования казахского народа, предшествовавших Октябрьской революции, на казахском языке было издано всего-навсего 120 книг, две трети которых написаны были татарскими и узбекскими мурлами.

За 15 лет после установления советской власти в Казахстане издано 360 названий только художественной литературы, не считая политической, сельскохозяйственной, научной, не принимая в расчет учебников, пособий и т. д.

Для книжной выставки в Москве из Алма-Аты привезено более 400 образцов книжной продукции на казахском языке.

Большое место среди экспонатов занимают произведения классиков марксизма. Политическая литература представлена книгами В. И. Ленина, И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, С. М. Кирова, Н. К. Крупской и книгами руководителей большевиков Казахстана т. Мироянова.

Большой интерес представляет раздел художественной литературы, в котором мы встретим не только произведения крупнейших поэтов и писателей — Сейфуллина, Джансугурова, Ауэзова, Муканова, Майлина, — но и книги молодых авторов — Токма-

гамбетова, Талдыбаева, Жарокова, Абдукадырова, Сыдыкова, Давлетбаева, Турманжапова и др. Особое место занимают книги по фольклору — собрания песен, посланий, народных поэм, среди которых мы найдем любовно изданную книжечку песен о Сталине, которые сочинены актинками (певицами-импровизаторами); эти песни переведены и изданы в декабре казахского искусства.

Известно, что до революции на казахский язык были переведены лишь отдельные произведения Пушкина, Лермонтова и Крылова. Сейчас в книжной витрине мы увидим переводы Пушкина и Шекспира, Гоголя и Мольера, Толстого и Флардоуси, Лермонтова и Гете, Тургенева и Мопассана.

Очень богато представлен Горький. Из современных писателей на казахский язык переведены Фадеев, В. Иванов, Серфимович, Фурманов, Шолохов и др.

Среди детских книг — книжечка В. Маяковского «Кем быть».

Выставлены также переведенные на казахский язык почти все стабильные школьные учебники. Это говорит о коренном изменении культурного профиля шестимиллионного казахского народа.

Книжная выставка является прекрасной иллюстрацией успехов советского Казахстана на культурном фронте.

ВЫСТАВКА КАРТИН

История кочевого казахского народа сложилась так, что изобразительное искусство казахов не имеет ни одной точки не имеют статуэток и фресковой живописи и скульптуры. Изобразительный гений народа проявился в другом: в рисунках ковров, в орнаменте копы, в убранстве юрты, в прекрасных украшениях ошей, уздечек, оружия, поясов и т. д.

Сорок полотен, привезенных из Алма-Аты в Москву, являются скорее произведениями о Казахстане, нежели произведениями Казахстана.

Большинство картин принадлежит кисти Худлова.

Худлов очень тонко чувствует колорит края и передает его просто и выразительно.

В его полотнах отразилась и природа Казахстана («Горный пейзаж», «Иссык-Кульское озеро», «Алматынский водопад») и быт края («Толченые арты», «Стрижка баранов»). Художник дает и портреты казахов («Молодая казахская женщина», «Мальчик на коне»).

Три десятка полотен Худлова являются маленькой энциклопедией Казахстана, передающей своеобразие этого края в красках и линиях.

Большой интерес представляют три полотна Телмеева, изображающие охоту с беркутом.

Картины Ритиха («Старый и новый Казахстан») и Борникова («Девушка нового Казахстана») являются попытками передать контуры нового, советского Казахстана.

Гораздо богаче и красочнее представлены самолюбное изобразительное искусство казахов.

Здесь прежде всего останутся внимание зрителя селла и уздечек, украшенные серебром и эмалью, копы со своеобразным орнаментом, коври, браслеты и перстни, поясы и т. д.

Центральный музей Казахстана предоставил для выставки султано-скую шапку, женские бархатные камзолы, «саукеле» (свадебный головной убор), албалу (топор), украшенный серебром и бирюзой, всевозможное оружие и домашнюю утварь.

История кочевого казахского народа сложилась так, что изобразительное искусство казахов не имеет ни одной точки не имеют статуэток и фресковой живописи и скульптуры. Изобразительный гений народа проявился в другом: в рисунках ковров, в орнаменте копы, в убранстве юрты, в прекрасных украшениях ошей, уздечек, оружия, поясов и т. д.

Сорок полотен, привезенных из Алма-Аты в Москву, являются скорее произведениями о Казахстане, нежели произведениями Казахстана.

Большинство картин принадлежит кисти Худлова.

Худлов очень тонко чувствует колорит края и передает его просто и выразительно.

В его полотнах отразилась и природа Казахстана («Горный пейзаж», «Иссык-Кульское озеро», «Алматынский водопад») и быт края («Толченые арты», «Стрижка баранов»). Художник дает и портреты казахов («Молодая казахская женщина», «Мальчик на коне»).

Три десятка полотен Худлова являются маленькой энциклопедией Казахстана, передающей своеобразие этого края в красках и линиях.

Большой интерес представляют три полотна Телмеева, изображающие охоту с беркутом.

Картины Ритиха («Старый и новый Казахстан») и Борникова («Девушка нового Казахстана») являются попытками передать контуры нового, советского Казахстана.

Гораздо богаче и красочнее представлены самолюбное изобразительное искусство казахов.

Здесь прежде всего останутся внимание зрителя селла и уздечек, украшенные серебром и эмалью, копы со своеобразным орнаментом, коври, браслеты и перстни, поясы и т. д.

Центральный музей Казахстана предоставил для выставки султано-скую шапку, женские бархатные камзолы, «саукеле» (свадебный головной убор), албалу (топор), украшенный серебром и бирюзой, всевозможное оружие и домашнюю утварь.

ХРОНИКА ДЕКАДЫ КАЗАХСКОГО ИСКУССТВА

★ Слана в печать и 17 мая выйдут книги «Лески о Сталине».

В книжку вошли песни о Сталине, Ворошилове, Молотове, Калашникове, Орджоникидзе, Калининне акинлов (певцов-импровизаторов) Джамбула, Оруба, Турмагалеба, Рахима, Умургака, Кенета, Тайжана. Переводы песен сделаны поэтами М. Голдыным, И. Сидоренко, К. Алтайским, М. Тарновским, Л. Пенкювским, К. Куанцовым.

★ 90-летний народный актин Джамбул и другие акины посетили мавзолей Ленина.

★ 18 мая организуемая большая радиопередача, целиком посвященная казахскому искусству и казахской литературе. Будут переданы отрывки из народной поэмы «Ер Саян» в переводе Пенкювского, произведения Сейфуллина, Джансугурова, Муканова, Токмагамбетова, Тажыбаева и др. Будут переданы также песни акинлов Джамбула и Маймобега.

★ В дни декады в Доме советского писателя и на заводе «Шарикоподшипник» имени Л. М. Кагановича состоится вечер казахской советской литературы.

САБИТ МУКАНОВ

Сабит Муканов рос вместе с революцией. До 1917 года он был неграмотным пастухом. Только в первый год Великой пролетарской революции, семнадцати лет, он бросил полупольную «потомственную профессию» пастуха и в аульной школе мурлыма (учителя) Хамита Махмудова ликвидировал неграмотность. Через год, окончив курсы, Муканов уже мурлымствовал сам и начал писать стихи. Дальнейший культурный рост, учеба на Оренбургском рабфаке, партийная и редакторская работа в казахстанской печати дали Муканову возможность проявить свои творческие способности.

Написавши в 1919 году первые подражательные песни о своей батрацкой новле («Белый батрак» и др.), Сабит Муканов выдвинулся сейчас в первые ряды казахских советских писателей.

На первых крупных произведениях Муканова заслуживает внимания поэма «Вчерашний и сегодняшний батрак», рассказывающая о батраке Коны-баке, который, испытав на себе всю тяжесть байской эксплуатации, о первых днях революции стал активным организатором новой советской жизни в казахском ауле. Повесть в стихах «Судулаш» рассказывает о временах далекого прошлого, о байском плете, о бесправном положении женщины в эпоху владычества казахских феодалов, когда, по вековой традиции, она становилась женой любого, кто платил за нее «мыржакет», т. е. 47 голов оскота.

Ряд стихов и поэм Муканов посвятил этому страшному прошлому казахского народа, своему родному папушскому детству, когда были гонимы бедностью все соловьи, завлечены онемом дорог колен, арканом запятыны ноги.

После учебы в ИКП, впервые — в 1932 г. — познакомившись с русской и мировой литературой, обогащенный ее опытом, Муканов создал свои лучшие произведения: «Здравствуй, май!» и «Большевицкая осень» — восторженные, подлинно поэтические песни о новой радостной жизни советского Казахстана, и очень интересную, оригинальную поему «Ал-ай» («Белый медведь»),

посвященную героическому походу «Челюскин». Поэма получила вторую премию на всесоюзном конкурсе на лучшую поему о Челюскинском эпизоде.

Муканов внес в поэзию Казахстана все то, что потернул, знакомясь с творчеством во многом на него повлиявших любимых поэтов — Пушкина (влияние которого особенно подтвердилось оказалось на поэме «Ак-ай») и Маяковского («Тулпар»).

Он обогатил казахскую поэзию новыми ритмами, ломая и реформируя традиционный казахский стих. Высокая техника стиха, подкупающая «равнорядная» непосредственность поэтической речи, — все это делает лучшие произведения Муканова особенно свежими.

Одновременно, работая над прозой, Сабит Муканов выпустил в прошлом году первую часть трилогии «Темирта» — роман о классовом расколе в ауле, о борьбе с баями в период 1927—1928 гг., в момент переломных лет и сенокосных угодий, которые в виду особых условий классовой борьбы в Казахстане до этого времени еще находились в байских руках. Этот значительный, освещающий важную страницу в истории советского Казахстана роман получил хорошую оценку и завоевал широкий читательский интерес.

Почти все наиболее интересные произведения Муканова знакомы не только казахскому, но и русскому читателю. Переведены на русский язык его избранные стихи 1917—1934 гг.: «Тулпар» (изд. «Советская литература», 1934 г.), повесть «Степь в пламени» («Казахский сборник», 1934 г. ГИХЛ), «Судулаш» (Совгизгиздат, 1936 г.), в ближайшее время выйдут из печати «Белый медведь» и «Темирта».

Сабит Муканов по праву занимает одно из первых мест в казахской литературе. Талантливый и своеобразный художник, он творчески растет. Сейчас Муканов работает над новой большой поемой «Москва» и романом о казахском восстании против русского царизма в 1916 году.

ПАВЕЛ ВЯЧЕСЛАВОВ

Сцена третьего акта спектакля «Жалбыр» в Государственном казахстанском музыкальном театре

Заслуженный артист К. Жандарбеков в роли Бекжана («Ныз-Жибек» в Государственном казахстанском музыкальном театре)

ЧИТАТЕЛЬ О „ПОСЛЕДНИМ ИЗ УДЭГЕ“

ЭТО—КНИГА О НАС

РОМАН ДЛЯ МИЛЛИОНОВ

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТОВ. СТАРН, ИНЖЕНЕРА ЗИС

Чем для меня особенно важна эта книга? Тем, что в ней Фадеев совершенно правильно рисует взаимоотношение классовых сил на Дальнем Востоке в годы гражданской войны; тем, что в ней с большой художественной силой отражена борьба партизан с бандами Колчака, с «совокупными» американцами, с азиатскими японскими империалистами, со всеми врагами трудового народа; тем, что в ней правдиво показана роль пролетариата в партизанском движении, роль партийного руководства.

Книга построена на огромном фактическом материале. Талант писателя помог ему овладеть материалом. Образы, созданные им,—это живые люди со своими особыми слабостями и достоинствами. Читая книгу, я как бы беседовал со своими старыми товарищами, бок о бок с которыми 17—18 лет назад я дрались с японцами и белоказаками, защищая родную советскую власть. Многие из товарищей погибли, но многие живут и здравствуют, работают в свободной стране.

Я перелистываю книгу, и перед глазами встают ослепительно яркие образы боевых товарищей. Мне вспоминается крестьянин деревни Рождественка, Александровского района, Амурской области, прозванный у нас в отряде дедушкой Иваровским. В доме дедушки под видом портнихи жила моя жена. Здесь же была вичная квартира на берегу реки. Во время налета бело-японского отряда старика до полумертвы забилы гатайкой, допытываясь, что за женщина живет у него. И все-таки не выдал старик. После он вступил в мой партизанский отряд вместе с тремя взрослыми сыновьями.

На его же описал Фадеев в своей книге под именем Ивгата Васильевича Ворисова?

Вспоминаю начальника полковой команды Бочкаревского района, четвертованного салдаем Маркеничем. В течение нескольких часов мучили

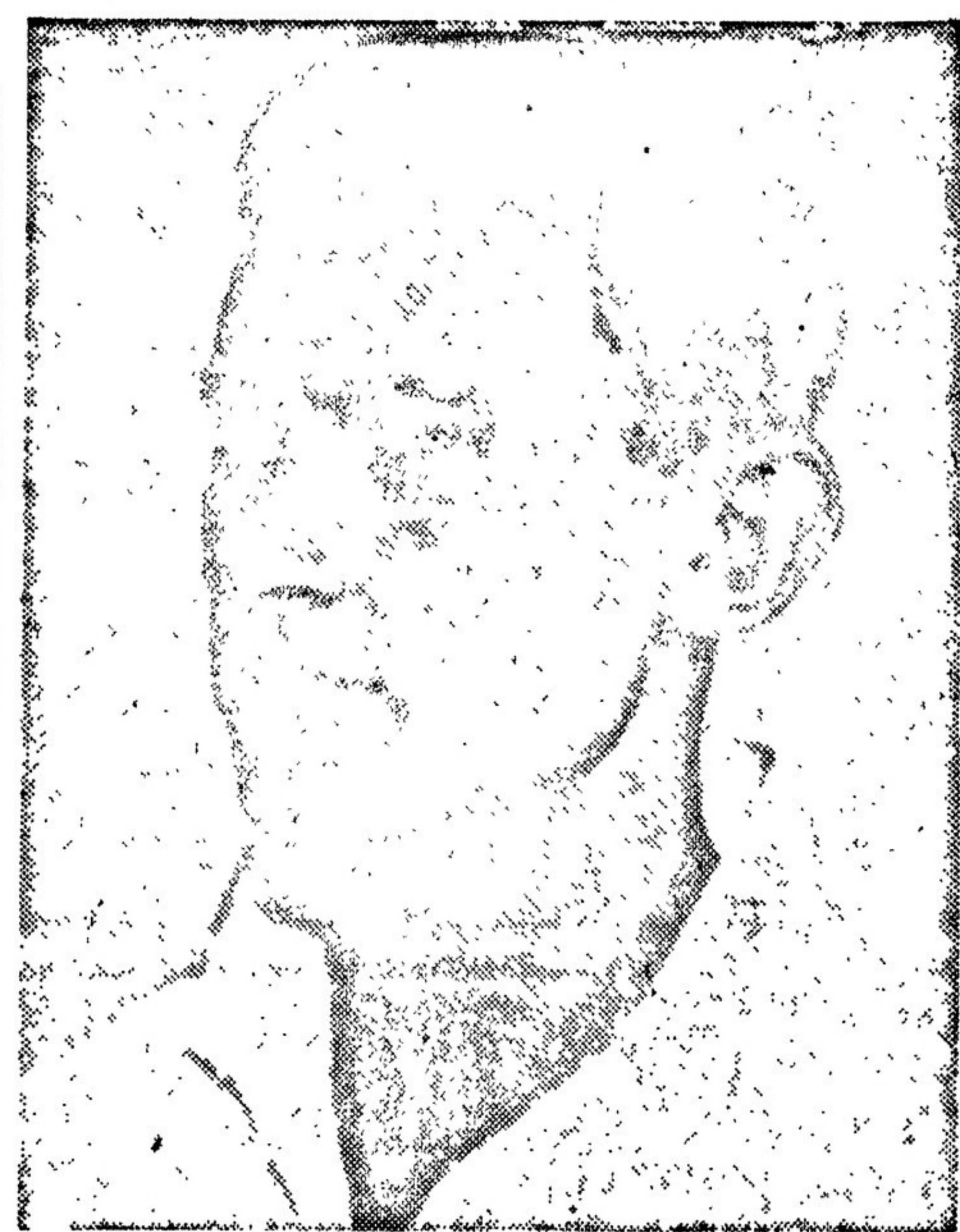
его бандиты. Решили по частям. Но, несмотря на нечеловеческие мучки, он не выдал товарищей. Я не знаю, какие были последние его слова. Может быть, умирая, он, как Пташка, бросил слова гнева и правды в лицо белогвардейскому выродку.

Я вспоминаю других бойцов. Как похитил на них Сурков, Алеша Маленький... Недалек товарищи из ДВК говорят: о нас это написал Фадеев. Очевидно так же думают и участники боев на Украине, в Средней Азии... Книга, повторяю, производит большое впечатление. Жаль, только, что автор не показывает в ней ближайших помощников партизан—их жен, сестер, матерей. В романе нет образа женщины—героини, действующей о мужем, с братом все тяготы суровой партизанской жизни, отдавшей всю себя делу революции.

Вот, например, жена начальника таежного штаба Прохорова, на квартире которой мы в любое время дня и ночи находили приют и покой. Уложив нас, уставших, замученных больными переходами, повседневными стычками с врагом опять, она ночью, не смыкая глаз, стирала наше белье, а потом сушила его, держа на руках перед огнем. Она не отпустила ни одного партизана голодным: если не было хлеба, то уж какую-нибудь лепешечку да испечет. В один из налетов белогвардейцев Прохорова была арестована. Ее жестоко пытали в застенке. Спрашивали, где находится партизан, велико ли число их. Ни чего не сказала Прохорова врагам.

Таких женщин немало было и в Суванской долине. И спрашиваю, почему автор не запечатлел их образ в своей книге. Но, может быть, я предвещаю вопрос. Может быть, мы встретимся с этими женщинами в последующих частях книги. С нетерпением жду этой встречи.

Краснознаменец В. А. БОРОДЯКИН
Быв. начальник оперативного таежного штаба, б. командир партизанского отряда 1-го района Амурской области

А. ФАДЕЕВ

ОРУЖИЕ БУДУЩИХ БОЕВ

ОБСУЖДЕНИЕ РОМАНА А. ФАДЕЕВА НА АВТОЗАВОДЕ ИМ. СТАЛИНА

10 мая на заводе им. Сталина состоялась организационная редакция «Литературной газеты» и библиотеки завода читательская конференция.

Доклад о романе А. Фадеева—«Последний из удэге» сделал редактор «Литературной газеты» Л. М. Субочкин.

— Александр Фадеев,—говорит докладчик,—принадлежит к числу тех писателей, каждое новое произведение которых все больше и больше приближается к требованиям, предъявляемым широкими массами трудящихся к художественной литературе. Уже в первом большом произведении писателя в «Разгрома» четко определен характер фадеевского творчества. Из всей массы тем нашей действительности Фадеев больше всего интересуется темой рождения нового мира, нового человека.

Этой теме посвящен и роман «Последний из удэге».

В первых двух частях произведения Фадеев показывает буржуазное общество, его героев и представителей колониальной империалистической политики, являющейся революцией интеллигентии, а процессом революционной борьбы пролетарской революции (Лена и Сержа Костенкины). Буржуазному миру автор противопоставляет племя удэгейцев, не знающее частной капиталистической собственности, сохранившее в себе черты подлинных человеческих отношений.

Третья часть «Последнего из удэге»,—говорит Л. М. Субочкин,—особенно ясно показывает весь замысел автора и раскрывает перед нами линию дальнейшего развития романа.

Два мира борются на страницах «Последнего из удэге». Новый нарождающийся социалистический мир

Прежде всего я хотел бы сказать, что книга мне очень понравилась. Я вполне согласен с вышесказанным предельно мной товарищем: первые две части романа написаны слабее, чем третья часть.

Основные фигуры третьей части—Петр Сурков и Алеша Маленький. На переживаниях этих людей, на происходящих между ними столкновениях построены лучшие места третьей части, если не считать анализ самой стратегии партизан. Это два наиболее ярких характера. Фигура Суркова в третьей части, как фигура Лангового во второй и первой частях,—противоположности, которые одинаково хорошо удалось Фадееву.

Сурков и Алеша—полнокровные живые люди. В их отношениях чувствуется особая нежность, не сантиментальная, но глубокая истинная нежность.

Очень хорошо, с другой стороны,

удалось Фадееву изображение отрицательных типов—Лангового, Маркенича. Это надо поставить в заслугу Фадееву. Ланговой—убежденный до мозга костей контрреволюционер; основа его жизни—контрреволюционная борьба. Хорошо, что Фадеев противопоставил Ланговому племя Маркенича, которого заимит пытки Лангового, такие вещи не вынимают, он более крупный враг. Ланговой получился у Фадеева очень хорошо.

Я хочу отметить один недостаток романа: почему произведение называется «Последний из удэге». Может быть в четвертой части автор даст более развернутую картину дальнейшей судьбы этого племени, но в первых трех частях автор говорит о нем слишком мало, чтобы назвать произведение «Последний из удэге». По существу, в романе дан образ только одного удэгейца—Сарла.

Второй недостаток, о котором уже

говорили, это небезательность переживания Лены под влиянием «Одного удэгейца». Видно, когда она увидела улыбку на лице Лангового, она почувствовала, что он подлый. По моему, это место неудачное, нужно было бы это разработать глубже и основательнее.

Роман написан безусловно хорошо, простым языком, без всяких выкрутас, без иностранных слов, которые не всегда понятны. За исключением мест, относящихся к племени удэге, где нельзя было избежать мало понятных нам выражений, нет сносок и примечаний. Между тем есть некоторые произведения, в которых сносок больше, чем понятных слов.

«Последний из удэге», по моему, является самой ценной книжкой в нашей молодой советской литературе. Остаётся только пожелать, чтобы автор поскорее дал произведение полностью—закончил четвертую часть.

КНИГА О МУЖЕСТВЕ

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТОВ. ХУХАЧИНОВА, СЛЕСАРЯ ЗИС

Читатель наш вырос идейно и культурно, он требует хороших произведений.

Сегодня мы, разбирая произведение Фадеева «Последний из удэге», должны сказать, какое значение имеет это произведение, справился ли автор с той задачей, которую он поставил себе, соответствует ли действительности то, что изображено в этом романе?

Да, автор с задачей справился. Я читал несколько отзывов наших читателей о «Последнем из удэге». В этих отзывах дается очень хорошая оценка книге Фадеева. Он действительно массовый писатель.

Третья часть произведения «Последний из удэге» читается с большим интересом. Фадеев сумел показать сложную обстановку партизанской войны на Дальнем Востоке.

Чем замечательна третья часть?

Образы большевиков Суркова и Алешы Маленького—это образы людей мужественных, закаленных. У них хорошие человеческие черты,—нежность, доброта, ласка, внимание и уважение к человеку.

Петра Суркова и Алешу Маленького связывает крепкая дружба с раннего детства. Но в споре о партизанском движении, когда Сурков и Алеша Маленький сталкиваются в качестве представителей командования и подпольного комитета, они показаны как принципиальные противники. Когда же начинается бой, они все время чувствуют друг друга, помнят и заботятся друг о друге. Помните встречу Суркова и Алешы в госпитале? Эта встреча пропитана глубокой нежностью. Это место нужно отнести к лучшим страницам нашей современной литературы.

Вот слова Петра, обращенные к Алеше в госпитале:

«Я уж думаю, что навеки поте-

рял тебя. Друг мой, ты самое лучшее в моей жизни».

Герои романа Фадеева—люди мужественные, люди закаленные, люди живые.

С глубоким волнением я читал сцену пытки Пташки. Я переживал этот момент. Пташка борется за революцию. В подвале его бил, мучил, а как он на это реагировал?

«Что ты стараешься, ты ничего не узнаешь от меня. Разве вы люди?»—сказал он с презрением.

Вы не люди, вы даже не звери... Вы выродки... Скоро задавят вас все!» Человек в последнюю минуту героически выдержал пытку и в лицо классовому врагу, умирая, бросил замечательные слова о революции, о будущем. Этот человек велик своим мужеством. И мы, комсомольцы, должны учиться у таких героев, как Пташка. Образ Пташки воспитывает в нас мужество и отвагу.

Мне очень понравился роман «Последний из удэге».

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В ЛИТЕРАТУРУ

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТОВ. СМОРОДИНОВА, КЛАДОВЩИКА ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ЦЕХА ЗИС

Когда я прочитал роман «Последний из удэге», я почувствовал, что мне не только нужно было прочитать это произведение, но и проработать его. Оно всесторонне охватывает нашу жизнь. Много хорошего может здесь почерпнуть молодое поколение.

Возьмем, товарищи, например, вопрос о том, могут ли в социалистических условиях остаться народности, непереходить к социалистическому обществу. Для многих из нас здесь сейчас, этот вопрос был недостаточно ясен. Когда же мы прочитали произведение Фадеева, стало понятно, каковы пути эти народы, минуя капиталистический строй, могут перейти к социалистическим отношениям.

Вот вам практическая помощь в нашей пропагандистской и агитационной работе.

Одно время я специально изучал вопрос переселения. Все это мне казалось очень простым: царское правительство предоставляло кредиты, царское правительство расчищало земли, как говорится, устраивало переселение. Оказывается, это не так. В «Послед-

нем из удэге» показаны действительно условия жизни переселенцев, жестокость царского правительства к ним. Люди бросали на произвол судьбы, людей переселяли на те земли, которые были заняты.

На этих образах, на этих фактах нужно учить молодежь. Особенно мне понравилась место, где рисуются выборы в учредительное собрание. Сейчас правительственная комиссия под председательством товарища Сталина вырабатывает конституцию. Это будет наиболее демократичная конституция, которая удовлетворит интересы всего трудящегося населения. А как проводились выборы тогда? Все сводилось к тому, чтобы сорвать эти выборы. Достойно было маленькой прищипки, чтобы отклонить выборы, подлить каскадин.

Капиталист Гиммер говорит: «Придет этот говорун отереть плевок, который он получил прямо в рот, и, придравшись к какому-нибудь пустяку, кассировать выборы».

Вот эти примеры учат нас политическую борьбу.

Несколько слов об образе Сержа. Сержа полон противоречий. С одной

стороны, он стремится к революции и хочет отколоться от своей интеллигентской среды, но все, что происходит вокруг, он расценивает только применительно к себе. Он не думает о том, как это отразится на судьбе партизанского движения. Он жлет не дожидаясь, когда будет столкновение партизан с бандитами. Для него это интересно, и он не думает о том, каковы будут последствия этого столкновения для отряда.

Недостаточно правдив образ Лены. Девушка в шестнадцать лет не знает различия между правой и левой рукой, а между тем Лена показана очень умной, всезнающей. В леском возвращении мы были уж не такими проникновенными, как она.

Якобы дава жизнь капиталистов. Замысла автора в том, что он дает людей, выжитых из жизни. Произведение «Последний из удэге»—это большой ценный вклад в нашу литературу. Нам—молодежь—нельзя с кавалерийским наскоком читать эту книгу. Мы должны это произведение изучать. На таких произведениях нужно учиться самим и учить других.

ПУТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

В произведениях Фадеева подкупают: серьезность замысла, отсутствие позы и рисовки (достоинство, встречающееся, к сожалению, далеко не у всех наших писателей) и большая художественная честность.

Третья часть романа «Последний из удэге» я причисляю к лучшим книгам последнего года. В первых частях романа при чтении многих страниц настойчиво возникала воспоминания о чем-то из Л. Н. Толстого. Это произвело впечатление последних диссонансов. Последняя часть написана несравненно более цельно и органично.

Лучше всего удалось автору образы рабочих-коммунистов и партизан. Сурков, Алеша Маленький, Сержа Кудрявый, Сержа Костенкинский, многие из партизан—это все настоящие, живые люди. Сложность, подчас противоречивость их психической жизни нисколько не лишает эти образы типичности и не снижает четкости их социальной характеристики. Здесь, как мне кажется, А. Фадеев одержал большую победу. Именно в отношении положительных героев нашим писателям не часто удается совместить социальную типичность с психологической сложностью, без которой художественный образ может превратиться в схему.

Читая рассказ Фадеева о героиче-

ской борьбе партизан под руководством нескольких коммунистов, видишь перед собой не «литературу», а кусок подлинной действительности. Когда вспоминаешь события, описанные в романе, участники их кажутся не «литературными героями», а людьми, с которыми встречался в жизни.

Но то, что прекрасно удается А. Фадееву, когда он рисует «свою», ускользает от него, когда дело идет об изображении врагов. И в первых частях романа главы, действие которых разворачивается в буржуазной и белогвардейской среде, были наименее удачными (только образ старого Гиммера кажется мне живым и интересным).

Образ Лангового—довольно яркий и живописно удачный. Но и он кажется выжитым из книги, а не из жизни: слишком стройно и «красиво» рисуются похищения жинья этого «идеального» белогвардейца. Наудачными и холодными представляются образы начальника контрразведки и в особенности, его жены. В этих главах прекрасное психологическое чутье автора явно ему изменяет. Но в общем впечатление от книги эти недостатки—лишь частности.

Б. ТЕПЛОВ
Профессор научно-исследовательского института психологии Московского университета

МАРИЯ ЦОЙ

А. ФАДЕЕВ

ИЗ 4-й ЧАСТИ РОМАНА «ПОСЛЕДНИЙ ИЗ УДЭГЕ»

Алеша Маленький на подводе выехал в корееккую деревню Николаевку.

Помимо того, что ему хотелось лучше уяснить положение с хунгуэями, он просматривал, что после покаяния по поручению востановили в Корее содействиями в Николаевке группы беженцев через границу повстанцев.

Как только Алеша спустился с гор в долину, еще не доходя до деревни, он почувствовал, точно попал в другую страну. Самый пейзаж изменился. В долине, защищенной с двух сторон горами от ветра, стояла почти летняя зной. По обеим сторонам долины, перпендикулярно к ней, тянулись все-таки еще черные, но больше зеленевшие холмы, длинные узкие узкие горы, выветренные под чумизу, мак, бобы, кукурузу. Не только каждый клочок земли в долине был возделан трудолюбивыми руками, но все склоны сопки по обеим сторонам долины были раскорчеваны и обработаны под пах.

Алешу поразило то, что на полях не видно было ни одного человека. Дорогой он обогнал несколько скрывающихся в зарослях кореев с деревянными кобылами в восу и нагрудных щельми семействами—стариками с седыми редкими бородами, в белых одеждах и высоких соломенных шляпах; маленькими, точными и грустными женщинами с неподвижными лицами и в коротких кофтах с вываливающимися из подолы задорными грудями; чернолобылыми ребятами, испуганно поглядывавшими живыми темнокоричными глазами на вооруженного русско-го в телеге.

— Едут о участках, хунгуэев богатся,—попытал женщина.

Деревня, выдвигавшаяся на плоскости длинными черными рядами, выдвигавшаяся на плоскости соломенными крышами скученных и лиственных зеленых фав, была отнюдь опшю обнесена глинобитными укреплениями с башенками и амбразурами. В них местах укрепления были возведены напово, а кое-где еще неакочены в воле их копытились дла.

Вооруженные корейцы у околицы пропстивли Алешу, но опросив его.

Дымные фанзюши с ретметками дверми, обклеенными бумагой, выдвигались чуть ли не на самый тракт, и

обе стороны от которого расходилась узкие кривые улочки, полные голубых, черных от азара ребятишек. Многие не ребаг были в таком возрасте, что могли только ползать. Мухомачи о длинных трубах в абух, ползавшая глаза, покорно сидели на корточках у дверей фав. Женщины с обнаженными грудями и длинными до пят юбками, выне о подвязанными за спиной грудными ребяти, возмозу о вымывших в ремло лимонных котлов. В воздухе стояла незнакомые запахи—нерусско-го шмля, пшца, табака.

— Никуда! Ты как здесь?—вдруг воскликнул Алеша, заметив командира одной из суванских партизанских рот, стоявшего у фавым и держащего в руках распорченный мешок, в который старик-кореец бросал спрессованные пакки листового табака.

— А, товарищ Чуринин! Да вот приплыл с хунгуэями драться,—показав в улыбке желтые зубы, сказал Никшина. — Сегодня ночью ждем, а в акварт срок ихнему улетятому. Ребята мои на позициях, а я им вот табачку...

— Ну-ну, неопределенно подкалывал Алеша. — Вот не было печали—с досадой подумал он.

Навстречу Алеше выехал верхом сельский председатель—местный учитель-кореец, с которым Алеша познакомился еще в Скобеевке, член ревкома. Он был в кепке и рыхлых сапогах и в выцветшем от солнца пиджаке с галстуком. Звали его Сергей Пак.

— Только что сообщили—начальство едет, я решил встретить. Вот хунгуэев ждем,—смущенно поочал он, пустив лошадь шагом рылом о телега.

— Что это у вас за укрепления, выдать, давшие?—спросил Алеша.

— Да против хунгуэев же. Старая история! Этой борьбе уже два десятилетия. В прежние времена, впрочем, больше данью откупались.

— Тыфу, лихость какая!—выругался Алеша, недовольно тряпичая ежовой своей рогоной. — Не Россия, а Вьетнам Скотт какой-то, и даже еще хуже! Царшка наш, выходи, не обороняй вас?

— Не-ет,—засмеялся председатель. — А если обороняли,—еще больше страдали от постоа солдат... Повстан-

цев? Повстанцев человек до сорока,—ответил он на вопрос Алешы о белых из Кореи. — С недавня пришла одна наша революционная Мария Цой, у меня на квартире жила,—выполоска сказала он, перенутившись о лошади,—она вам все расскажет.

Он встал из двор школы обычное сельское гниа.

«Ну, посмотрим, какая у них там революционная»,—высходя на крыльцо, подумал Алеша, невольно представляя себе женщину, похожую на тех, какие попадались ему дорогой, — в короткой кофте, с юными грудями.

Сергей Пак подошел к двери в соседнюю комнату и осторожно постучал острым костлявым пальцем. За дверью по-корейски отозвался звучный женский голос. Пак проскользнул за дверь. До Алешы донеслось несколько фраз, которыми обменялся председатель и женщина; потом показалась рука председателя, сделавшая пригластительный жест кому-то, находившемуся в той комнате, и в дверях появилась стройная корейка, лет двадцати пяти, в черном, длинном платье, со смуглым чуть окутанным лицом аскетического склада, небывалой тонкой рописи.

— Очень рада!—сказала она, заблестев навстречу Алеше умными темнокоричными глазами, и крепко пожалла ему руку, трянуху ровно подстриженной чолой черных блестящих волос.

Увидев перед собой молодую женщину, каждое движение которой было внутреннею изысканья она, в первую, Алеша так смутился, что и простом мгновенье не нашелся даже, что ответить. «Хорош, батиска!»—подумал он, представив себе, каким он выглядел перед ней—заросший петиной, несколько дней не умывавшийся, в пропыленной одежде и грязных сапогах.

— Вы соли надолго?—спросил он наконец, не зная, куда и лезать себя.

— Положу, пока кончатся этот конфликт,—сказала она своим звучным голосом, — а потом, думаю, выехать... как оно называется это явление?—обратилась она к председателю.

— В Скобеевку,—почтительно подкавал Пак.

— Да, в Скобеевку... Я описалась

с товарищем Сурковым, и он согласился на мое предложение созвать с'езд трудящихся корейцев. И еще не мало есть общих вопросов у нас... О, если бы вы знали, как я завидую вам!—вдруг сказала она о грустно.

— Почему вы завидуете нам?—удивился Алеша.

— Я завидую тому, что вы знаете, к чему вы стремитесь, у вас есть организация, люди, способные двинуть горы, а мы... а у нас...—голос ее дрогнул. — Простите меня...—она отвернулась и тыльной стороной ладони кисти руки коснулась своих глаз. — И столько жертв, ужасных, бесчеловечных!—сказала она, и страшная сила горечи развевала в ее голосе.

Алеша в волнении взял ее руку своими обеими руками и крепко-крепко потряс.

— Надо умыться, поевать, потом будем разговаривать,—быстро мигая и издавая горлом какие-то хрипящие звуки, говорил Сергей Пак.

— Уже несколько недель, как я не сплю ночами и все думаю, думаю об этом. Я перебрываю у ме все подробности поражения, как бы они ни были горьки, страшны, постыдны...—говорила Мария Цой, спелая на груди тонкие пальцы рук и быстрые энергичными шагами прохаживавшая по комнате.

Ночные бабочки залетали в развороненное окно и бились о ламповое стекло. Поселок лежал за окном, пригнанный, без огня. Чуть ткнуло дымком от курящегося навоза. Где-то в близкой фаве плакал ребенок. Тихий женский голос уговаривал его, ребенок то замолкал, то вновь начинал плакать.

— Что больше всего мучает меня?—сказала Цой, остановившись против Алешы. — Кто найдет в себе силы повести народ теперь, когда он лежит в крови, в слезах, а его «вождя»... о презрением выговорила она,—попытал на колених перед победителями и метут бородами землю. Стыдно вспомнить, что среди них оказывались и те люди, колоо которых еще так недавно звучал в моей душе, как колокол... О, будь они прокляты, тряпиды презренные!—хрустнув на груди пальцами, сказала Цой.

Алеша сидел на табуретке, поджавши вперед всем телом, и не спускал глаз с Марии Цой. О лица его сошло обычное живое веселое выражение, суровая складка легла между бровей и на всем лице явственной обозначилась черты внутренней силы.

— Движение сразу пошло по дугам руслам,—продолжала Цой, быстро шагая по комнате, — движение интеллигентских, мелких торговцев, уча-

щихся в горьлах, востанная бедных крестьян в деревне. Лозунги были общие, истинные стремления и действия разные. Лозунги были неопределенны, иные просто наивны. «Такхатуктун», независимость Кореи. Независимость для кого? От кого независимость? Только ли от Японии? О, этого не будет никогда, пока движение зависимо от попов и господ,—это первое, что показал општы. «Против посылки короля на вервольскую конференцию!» Япония, которая заткнула рот Вильсону, о его самопроделенном нации, хочет послать короля Ли на вервольскую конференцию. Он лица корейского народа король должен заявить, что Корея добровольно соединилась со своей «старшей сестрой». Но какое дело народу до того, поелет король на конференцию и что он там скажет? Бедные крестьяне не думали о короле и еще меньше о вервольской конференции, когда громили японские усадьбы, школы и полицию. Они не сумели довести дело до конца, они не тронули даже корейских помещиков, но только потому, что их сознание было отравлено попами, полами всех цветов и запахов. Секта «Челючь», вроде важной старообрядцев,—противники всякой европейской цивилизации, лютеранские, католические,—все приложили свою грязную руку к движению народа. Народ и не подозревал, как много было среди этих истовых и благостных людей—японских шпионов и провокаторов! Вы не знаете, как мало было нас,—людей, понимавших хоть что-нибудь в происходящем! Переживали ли вы когда-нибудь это мучительное чувство одиночества в борьбе, поисков, хоть какой-нибудь организационной силы, хотя бы одного настоящего революционного вождя,—эту невыносимую жалку, скитанье—наши мозги и сердца?—о тоскою спросила Цой.

— Еще бы!—о мужим вождием сказала Алеша.

— Да, он понимал ее. Он сам пережил это чувство в юности, когда путь борьбы уже протронулся уже, а организационная сила, способная возглавить борьбу, еще не была ни найдена. Но эта сила существовала, и Алеша знал, что она существует, и Алеша знал ее, а там, где боролась Мария Цой, этой силой не было совсем. —И правда, счастливы мы здесь!—вдруг подумал Алеша.

— Вы сразу опросили меня, почему не приняла участие в движении рабочие?—продолжала Цой. — Не вель никто и не заботился, чтобы привлечь их!—остановившись и сжав кулачки у своих висков, воскликнула она тоном сожаления и раскаяния. — Я повторяю, нас была горсть

— мой брат, я, еще несколько женщин и девушек, которые только-только подошли к пониманию того, что здесь таится та сила, которую мы ищем! Может быть, были и еще такие люди, но мы их не знали. Неопределенно, неясно, но мы их не знали. Неопределенно, неясно, но мы их не знали. Неопределенно, неясно, но мы их не знали.

— Это первое, что показал општы. «Против посылки короля на вервольскую конференцию!» Япония, которая заткнула рот Вильсону, о его самопроделенном нации, хочет послать короля Ли на вервольскую конференцию. Он лица корейского народа король должен заявить, что Корея добровольно соединилась со своей «старшей сестрой». Но какое дело народу до того, поелет король на конференцию и что он там скажет? Бедные крестьяне не думали о короле и еще меньше о вервольской конференции, когда громили японские усадьбы, школы и полицию. Они не сумели довести дело до конца, они не тронули даже корейских помещиков, но только потому, что их сознание было отравлено попами, полами всех цветов и запахов. Секта «Челючь», вроде важной старообрядцев,—противники всякой европейской цивилизации, лютеранские, католические,—все приложили свою грязную руку к движению народа. Народ и не подозревал, как много было среди этих истовых и благостных людей—японских шпионов и провокаторов! Вы не знаете, как мало было нас,—людей, понимавших хоть что-нибудь в происходящем! Переживали ли вы когда-нибудь это мучительное чувство одиночества в борьбе, поисков, хоть какой-нибудь организационной силы, хотя бы одного настоящего революционного вождя,—эту невыносимую жалку, скитанье—наши мозги и сердца?—о тоскою спросила Цой.

— Еще бы!—о мужим вождием сказала Алеша.

— Да, он понимал ее. Он сам пережил это чувство в юности, когда путь борьбы уже протронулся уже, а организационная сила, способная возглавить борьбу, еще не была ни найдена. Но эта сила существовала, и Алеша знал, что она существует, и Алеша знал ее, а там, где боролась Мария Цой,

За рубежом

К столетию «Пиквикского клуба»

В ознаменование столетия со дня выхода «Записок Пиквикского клуба» в Америке издан ряд книг: «Пиквикская портретная галерея» — сборник очерков о персонажах «Пиквикского клуба» А. Нойса, А. Бью и др.; «Руководство к «Запискам Пиквикского клуба» К. Кленденинга (в «Руководстве», помимо истории самого произведения, описано путешествие Кленденинга по тем городам,

в которых побывали члены Пиквикского клуба); «Интимная биография Чарльза Диккенса» Дж. Вормена и Д. Харта; «Жизнь Чарльза Диккенса» Т. Райта.

В скором времени выйдет два юбилейных иллюстрированных издания «Записок Пиквикского клуба» в издательствах «Додд и Мэд» и «Хертедж Пресс» («Dodd Mead» и «Hertidge Press»).

«ВЕДУЩАЯ БИБЛИОТЕКА»

Лондонское издательство «Дорес» предприняло издание специальной детской серии «Ведущая библиотека». Задача библиотеки — выдвигать в противовес лживой буржуазной детской книжке добротную детскую литературу, увлекательную и правдивую.

агитацию среди рабочих и возмещает их в красивые профсоюзы.

Остальные две книги принадлежат Чарльзу Алму, автору переложения на русский язык книги «Бродячий парижанин». В книжке «Как боролся Иван Дэнис» Алма описывает приключения мальчика безработного горняка Дэниса из Южного Уэльса. Маленький Дэнис терпит нужду и лишения, работает сначала на вагоночках, затем становится бродягой и в Бирмингеме попадает в шапку преступников. От них он узнает о плане срыва забастовки, сообщает об этом рабочим и становится юным героем. В своей второй книге «Как Эрик Сарджент победил Отраву» Алма рассказывает о мальчишке-судачкем фешенебельного лондонского отеля и о том, как он помогает революционной борьбе горняков.

Как сообщает английская печать, уже вышли четыре книги «Ведущей библиотеки». В их числе книжка Диего Фриза «Питер вернется с войны домой». Третья — автор книг «Стрелы против баронов», «В борьбе за картину» и др. — пользуется большой популярностью у английского маленького читателя. В своей новой книжке он рассказывает о крестьянской революции 1831 года, ее волжках и участниках.

«Ведущая библиотека» — совершенно необычное явление в истории английской детской литературы, и первые ее издания встречены рабочей детворой с большим интересом.

СТИПЕНДИИ АМЕРИКАНСКИМ ПЕРЕДОВЫМ ПИСАТЕЛЯМ

В 1925 году бывший сенатор Саймон Гутенберг создал в своем имении в штате Нью-Йорк фонд имени Джона Саймона Гутенберга стипендиальной фонда. По завещанию Саймона Гутенберга стипендии должны были присуждаться лицам, занимающимся исключительно исследованием и творческой работой «в области истории, географии, естественных наук, истории искусства и культуры».

В апреле текущего года на «Стипендиальной комиссии» имени Джона Саймона Гутенберга было выделено 50 стипендий для американских писателей, художников и ученых с целью обеспечить им возможность творческой работы.

Чрезвычайно симптоматичным является тот факт, что среди получивших стипендии много левых художников и писателей. Стипендии назначены: Жозефине Херст, пишущей роман-трилогию, посвященную жизни американской семьи от 60-х годов прошлого века до сегодняшнего дня;

Гренилл Хиксу, критику, автору книги «Великая трагедия»; Джесу Фарелу, автору большого романа в трех книгах, охватывающего последние 50 лет жизни Америки; К. Феллину, выдающемуся поэту второй половины XIX века; Роберту Редману и романтической писательнице «Новые массы»; Бобу Брауну — известному поэту, посетившему в прошлом году Москву и предполагающему в ходе этого года приехать в Советский Союз с большой группой (30 или 50 человек) писателей и художников; левому художнику Питеру Вилму; рабочему которого демонстрировались на интернациональных выставках, и Митчеллу Филдсу, скульптору, ныне работающему в Москве и премиривающему своею одним годом работы в Советском Союзе.

Наиболее интересные элементы в американской литературе и искусстве завоевывают все большую известность.

НОВЫЕ ФИЛЬМЫ ИВЕНСА

В Америке идут сейчас в большом успехе фильмы известного голландского режиссера Ивенса «Новая земля», «Борниж», пропагандируемые «Ассоциацией нового фильма».

Ивенс, переводчик режиссер, один из основателей «Лиги фильмов», отражает в своих картинах-репортажах жизнь и борьбу рабочего класса. Первый такой фильм «Мы строим» он создал в 1929 г. по просьбе рабочих-строителей. После просмотра картины делегация жен рабочих пришла благодарить Ивенса за то, что он дал им такое ясное представление о работе их мужей, о которой они раньше не имели понятия.

В фильме «Новая земля» Ивенс показывает труд 10.000 крестьян и рыбаков, которые в течение двадцати лет работают со страшным напряжением сил для того, чтобы отвоевать у моря 200.000 акров земли. В результате этого огромного труда рождается новая плодородная земля.

В фильме «Борниж» Ивенс показывает жизнь и борьбу рабочего класса. Первый такой фильм «Мы строим» он создал в 1929 г. по просьбе рабочих-строителей. После просмотра картины делегация жен рабочих пришла благодарить Ивенса за то, что он дал им такое ясное представление о работе их мужей, о которой они раньше не имели понятия.

В результате этого огромного труда рождается новая плодородная земля.

МАРИЯ ЦОЙ

(НАЧАЛО СМОТРИ НА 4-й СТРАНИЦЕ)

— Как же я-то могу не находить сейчас там, где будет умереть наша Аленка? — удивленная спросила Цой. — Что они обо мне подумают? — Так-так! Сначала перекопайте слова об обязанности перед народом своим, а потом голову под шальную дулю. Глупо-о! — с негодованием разразился сказал Алена.

— Все равно я не могу послушаться вас!

— А это мы посмотрим...

Алена вытерла из двери лицо, выскочила за дверь и, с силой захлопнув ее, замкнула с другой стороны.

— Аленка, ты же знаешь, что Алена начала ничего не мог различить. По слуху определяла, где стреляют, он добегал в ту сторону, летела по крикам уличкам, затыхая на плетни, какие-то колокольчики и ругаясь самыми страшными словами, какие только знал. Потом его нагнала группа вооруженных корейцев, бежавших в том же направлении, и Алена примкнул к ним.

Постепенно он стал различать фанты, огороды, и понял, что стреляют под сопками с восточной стороны деревни. Шальные пули изредка попадали в него, но он выдержал, пока Алена с корейцами добегала до укрепления, стрельба занялась уже с севверной стороны.

От стены отделился толстый кореец с промандым «смитом», виденно начальник, и, туча «смитом» в темноту, сердитым голосом закричал на корейцев, прибывших к Алене. Опи, прибавляя, гуськом расеменили куда-то влево.

— А русские партизаны где? — спросила Алена, с трудом различая спохватившиеся у техных амбрауз беле фигуры корейцев.

— Фигуры там! — вежливо сказал начальник, приняв Алену за отстаивающего партизана сучающего от стены, и ткнул «смитом» вправо, вдоль стены.

Алена побелел вправо.

Стрельба уже не была сплошной, а то стихала совсем, то вновь вспыхивала со стороны сопки, и тогда в ответ гремели выстрелы по линии стены. Не обращая внимания на пули, которые, как зашлепала стрельба, со свистом проносились над ним, Аленка, досадуя на то, что не может приехать руководящего участия во всем, что здесь происходит, Алена много-

— А ничто не происходит, партизаны на деревню переходят! — о до-садой сказал Никитин.

— Стало быть, мне и здесь делать нечего?

— Совсем, можно сказать, нечего, — добродушно согласился Никитин.

— Получать только, на что время трагит! — о яростно сказал Алена.

— Уж верно что, — ребята и то жалуются. Главное дело, у этих корейцев лица без осии!

— Тыфу, уруда кака! Помоги мне хоть председателю пойти.

Невидимые хунжуны под оспками слова начали стрелять. Кто-то из партизан стал было отвечать.

— Кто там пуляет? — закричал Никитин. — Пуляет они сами пуляют, уж их к чертовой матери!

Стороживаемый связанным, Алена пошел в обратном направлении и левее того пункта, где командовал толстый кореец, нашел Сергея Пака. С ним была и Цой.

— Вы как здесь очутились? — удивился Алена.

— В окошко выскочила, — сказала она совершенно серьезно.

— Так-так, в окошко прыгать, как девочка... Видать, вы и у себя в Корее так революцию делали, — тоненько сказал Алена.

Кого-то она вспомнила ему, эта корейская революционерка, своими недостатками. Да, она напоминала ему его жену, Сою: такой же аскетичной, жертвенности, остатки чувствительности к народничеству бархата в толге. Алена был окончательно расположен к ней.

Перестрелка с хунжуками, то вспыхивая, то замолкая, длилась до утра. Как только стало светать, хунжузы ушли в неизвестном направлении, — их так много и не выдал.

— Алена побелел вправо.

Стрельба уже не была сплошной, а то стихала совсем, то вновь вспыхивала со стороны сопки, и тогда в ответ гремели выстрелы по линии стены. Не обращая внимания на пули, которые, как зашлепала стрельба, со свистом проносились над ним, Аленка, досадуя на то, что не может приехать руководящего участия во всем, что здесь происходит, Алена много-

Рисунок Н. Куприянова к «Льву святого Марка» Фенимора Купера, выпускаемому издательством «Молодая гвардия».

ТОМАС МАНН ПРОТИВ ФАШИЗМА

КАРЛ ШМЮКЛЕ

«Нельзя открывать новые миры, не имея мужества потерять их виду вою берега».

А. ЖИД.

Летом 1935 г. во время парижского конгресса защиты культуры Томас Манн был в Союзинных штатах Америки. Гарвардский университет в день трехдневного визита Манна прислал ему звание доктора литературы и чествовал создателя «Буденброков» и «Волшебной горы» как «одного из немногих современных защитников традиций великой немецкой культуры».

Это была определенная демонстрация против фашистского режима, и правитель Германии очень хорошо это поняла. В ноябре 1935 г. «Фельетонист Беобактер» разгромил на это обстоятельство с явным беспокойством и нервной злобой.

В одной из бостонских газет Томас Манн дал ответ на эту статью: «Вероятно, если бы я молча удалился в свою менхенскую виллу и был чужд ко всему, что творится вокруг меня, национал-социалисты терпели бы меня и оставили в покое. Но могу ли я молчать, когда вижу, как рушится все то, что составляло величайшую ценность немецкой культуры? Как может тот, кто всегда считал свободой величайшим достоинством человека, оставаться там, где царит лишь гнет, тирания и ненависть?»

Интересно проследить, в какой степени политические суждения Томаса Манна связаны с основными элементами его литературного творчества.

Творчество Т. Манна чрезвычайно широко и типично отражает тенденции распада буржуазной культуры конца XIX века, в описаниях немецких форм и особенностей этого процесса.

Можно было бы провести очень любопытный параллель между его первым большим романом «Буденброки» и «Фарсантами» Голсуорси. Наряду с национальными различиями буржуазного реализма этих последних замечательных его представителей, общие черты их определяют связь с буржуазным либерализмом их стран, с идеологическими и литературными традициями XIX века.

Как раз последнее особенно важно для понимания идейных взглядов Томаса Манна, которые он постоянно и регулярно проверяет на великих событиях последних десятилетий, пытаясь связать их с миром книжной культуры его детства.

Основной мировоззрения Т. Манна является философский гуманизм. Он любит цитировать слова Гете, что «человек — единственно подлинный объект изучения для человечества», и полагает — в духе немецких классицистов — что даже традиционные научные наблюдения над космосом имеют, всякого рода «названные умозрения» таит в себе все же... то-то детское по сравнению с интересом к внутреннему и внешнему миру человека, с углубленным изучением путей человечества. Гуманистически-воспитательная забота о душе, более достойной человека жизни привела Томаса Манна к антифашистским взглядам.

Ни один из буржуазных писателей Германии не обращался так часто и так углубленно к классическим художественным документам прошлого, как Томас Манн. Отсюда его стремление выйти за пределы национальной культуры. В гетесовском космополитизме он видит высочайшее духовное достояние и в то же время величайшее благородство и доблесть «немецкого духа».

Мы знаем из «Размышлений неоплатона» (1913 г.) Т. Манна, какое глубочайшее влияние на него оказывал Шопенгауэр. Это влияние чувствуется и в новейшей его книге «Страдания и величие мастеров», где Т. Манн, например, единичный эпизод личной встречи Гете с Шопенгауэром возводит в степень исторического символа. Прежде всего из вторичного идеологического источника проистекает сильная струя pessimизма, характерная для всех произведений Томаса Манна.

Но сам Т. Манн противопоставляет своему pessimизму непоколебимую веру в прогресс человечества. Как глубоко он и чувствует себя связанным с XIX веком, вернее, со второй его половиной, он все чаще и проникновеннее занимается великими вопросами будущего. Манн неоднократно высказывает мысль, что писатель должен чувствовать себя вполне серьезно и сознательно связанным с движущимися силами истории и передовыми тенденциями своего времени.

В многочисленных публицистических и философских статьях Т. Манна очень часто раскрывается внутренняя суть его художественного творчества. Мысль Томаса Манна противостоит необычайным многообразным противоречиям. Так, например, в своей новой книге статей он заявляет: «Надо носить в себе эпоху во всей ее сложности и во всей ее противоречивости, так как многообразие, а не единообразие преобладает будущее». Эта фраза несет программный характер.

Постоянно возобновляемая попытка Т. Манна связать воедино разнообразие и противоречивые культурные и духовные течения и «органицизм» примирить их, еще раз подчеркивает всю силу этих противоречий.

Автор «Буденброков» и «Волшебной горы» в своей трилогии «Иосиф и его братья» (вышла в свет первая и вторая книги) перешел к созданию своеобразного двойственного гуманистически-мифологического романа. Здесь Т. Манн попытывается освоить самостоятельное искусство на материале старобиблейских легенд. Все персонажи книги так же, как и образы «Волшебной горы», — вальды и повелители противоречивых сил. В трилогии «человеческое» существо ходит из «колыбели прошлого» — детства и юности, и сам человек — «вазальное существо», сочетающее в себе «природно-чувственное» с «метафизически-трагическим». (Здесь сказывается влияние Фрейдизма.)

Томас Манн, который во имя критического разума и цивилизации страстно и яростно выступает против фашистского и поддельного под фантом культуры «иррационального», сам говорит, что он в «Иосифе и его братьях» пытается сочетать мифическое и гуманитарное (человеческое). В этом сочетании он видит «плодотворный путь для будущего человечества».

Оценило Томас Манн и его увлечение мифическим и мифологическим буржуазного романа нашей эпохи, ни старый гуманистический «мировоззренческий» роман, и он стремится к такому типу художественного произведения, которое воплотило бы и подняло над великими противоречиями нашей эпохи универсальные проблемы бытия и мышления «человечества вообще». Он стремится к новому, к «будущему», он ищет его воплощения в универсальном и гармоничном примирении реалистического и романтического отношения к миру. Но вся основа его художественно-философской концепции остается прежней и потому, что «новое», что пытается развить художник, взятое в целом, является лишь старым в новом аспекте. Для «гуманистического мифологического» «Иосифа и его братьев» характерно не мощное и живое бегство пульса «Доктора Фауста», но глубокое эстетическое родство с ранней немецкой романтической. Так, например, Новалис писал: «Все национальное, временное, местное, индивидуальное может быть обобщено, коллицировано, слезано универсальным» и эту идею универсальности он думал найти в «символе мистическом». Наряду с этим Новалис утверждал: «Искусство коренится в разуме». Томас Манн глубже, чем какой-либо другой немецкий писатель связан с традициями немецкой литературы эпохи романтики и классицизма. Особенно сильное влияние оказал на него Новалис после войны 1914 года.

Томас Манн, который так резко критикует безобразный, нечеловеческий характер буржуазного строя и инстинктивно инстинктивно чувствует необходимость старого общества, все же сознательно держится за то, что он сам называет «буржуазностью» в духовном и культурном смысле. Да, он хочет спасти эту «буржуазность» для культурного строя будущего. Он не понимает, что реальная, грубая «буржуазность» классового господства и капиталистической системы по существу является основой этой духовной «буржуазности».

Томас Манн чувствует себя писателем на рубеже двух эпох.

Он еще не решает перешагнуть влиятельные границы буржуазного общества, но тем не менее он пытается познать ли новую эпоху, будущего общества — «солидарного» и «коллективного».

Здесь обнаруживаются корни существенных противоречий в мировоззрении Т. Манна последних лет. Но как раз в этой противоречивости есть тот прогрессивный элемент, который ведет его вперед.

Книжки Чехов в издании Детиздата

На книжной полке маленького читателя классики должны занимать почетное место. Это положение вряд ли нуждается в том, чтобы его аргументировать и доказывать. Но уже разговор о способах ознакомления наших детей с классикой может вызвать известные разногласия.

Вспоминается, например, переизданный на шестидесяти страницах «Дон-Кихот» в дореволюционном опытном издании. Ну что, кроме аверкло, могло остаться в этом «варианте» от бесмертной книги Сервантеса? Но и издавая переделка для детей «Гаргантюа и Пантагрюэль», сделанная с большим тактом и хорошим литературным вкусом М. Валюжником, представляется очень и очень сомнительной. Это, понятно, по подлиннику Рабле, и замешать его такую переделку никак не может. А если апеллировать к тому, что, дескать, подлинного Рабле дети прочтут, когда будут взрослыми, а теперь он им не по разуму, то возникает вопрос, для чего же создано это промежуточное Рабле, урезанное, обескровленное и удешевленное? Разве только для того, чтобы хоть как-нибудь утихомирить наш скудный ассортимент детских книг? На такой ответ ничего не возражает, но он очень далек от принципиального оправдания подобных творческих экспериментов над классикой.

Все беда в том, что любители наизобретенного приспособления классиков для детей слишком решительно отгораживают читателя детского возраста от взрослых читателей. Да, безусловно, «Гаргантюа и Пантагрюэль» и «Машинка Чехова» — самое подходящее для 12-летнего чтения. Но ребята растут, друг их интерес непереставая расширяется, они начинают знакомиться в школе с великими писателями прошлого. И вот тут-то им особенно нужна творческая помощь: не переключившись на классиков, а «пятилетний и любознательный» бор таких классических произведений, которые, не будучи детскими, были бы доступными для детей старшего возраста.

Оптимальным образом правильно выдуманного и прекрасно осуществленного издания подобного порядка является чеховский «Олегок».

В этом сборнике дети найдут и «Машинку», и рассказы о мальчишках, собравшихся бежать в Америку, и трогательнейший образ Ваньки Жукова, — словом, все те произведения, которые от первой до последней строчки понятны детям. Но наряду с ними в сборнике помещены и более трудные рассказы, как, например, «Дом с мезонином», «Много словосочетаний», «Ионыч» и «Многое другое», а из пьес Чехова напечатаны «Вишневый сад». Правильно ли это, и уж не лучше ли было переиздать, например, тот же самый «Вишневый сад» своими словами, убрав из него

А. П. Чехов. Избранные произведения. Детиздат 1935. Редакция А. И. Россия.

Эмиль Верхарн

Эмиль Верхарн принадлежит к числу значительнейших поэтов недавнего прошлого. Он умер в 1918 году. Как поэт Верхарн сложился в конце XIX века, вырос вместе с символистской поэзией и никогда не отосновался от ее основных принципов. Тем не менее, указывая на истоки творчества Верхарна, приходится сделать одну существенную оговорку. Это символизм всецело основан на доктринах «чуждой» культуры, а не на «чуждой» культуре. Вот почему Верхарн не пережил свое время и остался поэтом, голос которого во всей силе звучит и сейчас.

Конечно, некоторые его книги «удались» больше, другие меньше, но тем не менее его творчество не представляется той печальной картиной постепенного ослабления таланта, которую мы зачастую встречаем у крупных поэтов, переживших себя. Правда, нужно сделать оговорку для «военных» стихов Верхарна, ахваченного националистической стихией во время наступления Германии на Бельгию.

Творческий путь Верхарна был широк и разнообразен. Почти каждый год он создавал книгу стихов, отмечавшую новый этап внутренней жизни и поэтического роста. Верхарн развивался неровно, и в его поэтике пути меньше всего благоустроенности и споконьятия. От книг, созданных глубоким душевным кризисом и тяжелыми индивидуальными переживаниями («Черные факелы», «Вечера», «Разговоры»), с их болезненной психологической тематикой, он переходит к интересам более объективным. Современность со всеми ее сложными противоречиями, социальными и историческими, становится его основной темой, и Верхарн постепенно вырастает в поэта, который в раздумьях над судьбами человечества черпает свое вдохновение. С этими годами перелома совпадает участие Верхарна в просветительской деятельности бельгийской с.д. рабочей партии. В 1922 году он участвует в организации Брюссельского народного дома, где для рабочих читала лекции и устраивали литературные вечера.

«Галлюцинирующие селения», «Призрачные деревни», «Города-спруты» и драма «Зор» связаны с этим периодом. Рядом возникают не столько отличающиеся по стилю и тематике «Преступление на моих путях», «Любовь моей страны». Во всех этих книгах Верхарн — вполне сложившийся поэт, с особым своим методом творческой работы. Он сумел выжить от символизма самое лучшее: работу над реальным образом, Верхарн не замыкает его в узкие и ограниченные рамки, а придает ему грандиозные «мировые» черты. Вот почему символизм Верхарна выходит далеко за пределы узкого камерного символизма Малларме, который, впрочем, являлся неизгладимым отпечатком на образную структуру его стихов.

Эмиль Верхарн. «Лрика и поэмы». Перевод В. Брюсова, М. Володина, А. Гатова, Г. Шенгеля. Редакция И.В. Анисимова. Госиздат М. 1935, стр. 759, тираж 15 000. Ц. 9 р. 25 к.

некоторые психологические тонкости? Конечно, не стоит закрывать глаза на то, что не всякий читатель этого детского одомощника сразу же и полностью воспримет его содержание. Книга будет читаться по-разному и с разным отношением к ее материалу. Но это и не такая книга, которая, будучи одна раз и в один присест прочитанной, кладется на полку и забывается. Нет, она учитывает очень важное качество детского сознания — его непрерывное обогащение и рост. Книга будет читаться и будет откладываться в сторону; потом маленький читатель вернется к ней снова и опять найдет в ней новые интересные для себя страницы. И так постепенно, от самых легких детских рассказов до страниц большой «взрослой» завершенности, раскрывается перед детьми замечательный образный мир Чехова.

Однотипный построен таким образом, что его содержание охватывает все стороны творчества Чехова. Тут и ранняя юмористика Антонио Чехонте, и переломная для его писательской судьбы повесть «Степь», и лучшие рассказы и повести периода его творческой зрелости, и, наконец, несколько писем и ряд заметок из записной книжки. Нужно отдать должное вкусу и такту, о каком редактор книги оторвал от огромного чеховского литературного наследия действительно бесспорные в плане данного издания вещи, оговорив в редакционном послесловии невозможность включить в книгу некоторые, очень значительные, но трудные для детей произведения (например, «Палата № 6»).

Обстоятельный, живой, без всякой заезженности фотографический очерк, посвященный Рощинскому и его же в большинстве случаев интересным и содержательным комментарием помогают детям понять социальный смысл и направленность чеховского творчества, а дают им яркое представление о личности писателя. Конечно, говоря, если в односторонности и есть некоторые погрешности (мелкие неточности в приращениях, кое-какие недочеты в двух-трех пояснениях к рассказам и т. п.), то они настолько незначительны, что никак не могут омрачить ценности вполне образной редакторской над ними работы.

Не менее тщательно и любовно оформлена книга с внешней стороны. Множество не воспроизводимых рисунков — фотографий и документов Чехова разных периодов его жизни, общая насыщенность книги иллюстрациями, весьма разнообразным материалом, — все это в ней настолько удачно, интересно и продуманно, что даже при беглом ее перелистывании испытывается большое удовольствие. К этому удовольствию примешивается и радость. Конечно, наши дети всячески достойны подобного подарка, но почему бы и нам, взрослым, хотя бы во второй очередь, не иметь на книжной полке столь же отличное издание Чехова?

Герман КОХЛОВ.

Рисунок Л. Бруни к книге В. Правдухина «Годы, тропы, румьса». (Издательство «Советский писатель».)

ШТУРМ ПИКА СТАЛИНА

Книга Михаила Ромма — на тему о героическом восхождении таджикско-памирской экспедиции на величайшую горную вершину СССР — знаменитое достижение нашей художественно-очерковой литературы.

Такова единодушная оценка, которая дана была «Штурму пика Сталина» 9 мая на заседании в ДЮП писателями-альпинистами и участниками описываемого в книге похода (т. М. Зингером, И. Батраком, В. Масловым, Н. Гушиным, Л. Домбским и др.).

В выступлениях некоторых участников экспедиции прозвучали и нотки неудовлетворенности. Одним товарищам хотелось бы, чтобы «Штурм пика Сталина» явился фотографически точной передачей действительности, без малейшего смещения фактов, без намека на художественное преувеличение.

Против этих педантичных требований выступил известный альпинист т. И. Бараш и особенно категорически — т. Н. В. Крыленко.

В книге действительно есть недостатки, — утверждает т. Крыленко, — но они заключаются не в отсутствии абсолютной точности, которая совершенно не нужна, а в том, что автор недостаточно четко отделил цели экспедиции, в том, что он иногда чрезмерно склонен «обтырывать» опасности похода, подавая их так, как будто именно они дают самое интересное ощущение в альпинизме.

Но это касается лишь отдельных сцен и ни в какой мере не должно заслонить большого воспитательного значения книги, раскрывающей перед читателями реальную героическую историю альпинизма. Книга дает яркое представление о борьбе за пик Сталина, обрывает, агитирует за альпинизм. Несомненно — она будет пользоваться большим успехом у советской молодежи.

Я. РОЩИН

АРМЯНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

Государственное издательство Армении выпустило первый том поэмы «Давид Сасунский» — замечательное произведение армянского народного творчества.

Давид Сасунский — олицетворение народного героя, сильного, неустрашимого, непоколебимо честного, до конца правдивого. Возникновение этого замечательного народного эпоса относится к IX веку. Зародившись в Сасунской провинции, поэма с течением веков сделалась достоянием всего армянского народа, который привнес в ее богатый текст новые дополнения. За советский период в различных районах Армении собрано и выпущено до 50 вариантов этого эпоса, звуку сохраняющего, однако, один сюжет.

Проф. М. Абеян составил три десятилетия собрания различных вариантов и вариантов этого замечательного памятника многовекового народного творчества. Некоторые эпизоды поэмы «Давид Сасунский» разработаны крупнейшими армянскими поэтами — Ованесом Туманяном, Аветиком Исаханяном и Евгением Чареном. Образцы ее в переводе на русский язык еще в 1916 году дал Валерий Брюсов в сборнике «Поэзия Армении», который вышел под его редакцией.

Вышедший под редакцией М. Абеяна и К. Медзи-Огаджяна первый том поэмы включает 25 различных ее вариантов и пояснительные статьи: историко-литературный анализ эпоса, его историю как старинного и древнего эпоса, Актриса Елена Гончарова, героиня пьесы Юрия Олеши, уезжая за границу, мечтает о том, как она в каком-нибудь охранном парижском кино будет смотреть картины Чарли Чаплина и плакать. Тема Чаплина волнует советскую актрису Елену Гончарову. Это, по ее мнению, общедоступная и понятная подлинно демократическая тема. Маленький человек капиталистического мира, угнетенный и униженный, мечтает разбогатеть, вырваться из своего униженного состояния. Это мечта многих миллионов маленьких людей в капиталистическом мире. И когда этот неудачник, этот неуловимый и смешной человек хоть на минуту, хоть на миг может посмеяться над людьми, его унижающими, над безжалостными, казавшимися, обстоятельствами и условиями, тогда зритель облетает и радостно вздыхает.

Елена Гончарова в демократической теме Чаплина не увидела основного. Она не поняла трагизма его мечты в условиях капиталистического мира. Но капиталистическое, эксплуататорское рабство, разрушающее мечты миллионов маленьких угнетенных и униженных людей. Единичны из этого мира пробиваются к власти и шумим, а остальные масса вынуждена голодать, терпеть издевательства, вынуждена на своих собственных ударах полицейских дубинок, просящая в несчастливых очередях за ложкой супа (поскольку для безработных), вотежая на бульварах, сидеть в тюрьме, сидеть с ужом, кончать жизнь сеткой или выстрелом из револьвера.

Трагизм Чаплина прикрыт комической маской, и потому он еще более разлит, еще более впечатляет. Кажется иногда, что вот Чаплин обр-

Вся советская общественность с неослабевающим вниманием следит за развитием колхозных театров, могучего орудия культуры в деревне. 11 мая в Москве открылся второй смотр колхозных театров Московской области. За год, прошедший после первого смотра, количество колхозных театров удвоилось. Смотри должны показать, в какой мере качественный рост этого передового отряда культуры в колхозной деревне способствует росту количественному. На смотре выступил шесть театров, в том числе первый театр-школа колхозной молодежи, который покажет свою учебную работу. Смотри открылся спектаклем Сасовского театра «Разгром» (по ролю Фадеева). На фото: артистка Быкова осматривает грим исполнителя роли Вари, артистка Сасовского театра Коварская, перед выходом ее на сцену.

ТЕАТР п/р Ю. А. ЗАВАДСКОГО ВЫЕЗЖАЕТ В РОСТОВ-НА-ДОНУ

Театр п/р Ю. А. Завадского выезжает в Ростов. Президиум ЦК Рабисо созвал 13 мая расширенное заседание, посвященное отъезду театра и перспективам его работы в Ростове.

Выступивший на заседании Ю. А. Завадский сказал:

— Решение правительства послать нас на постоянную работу в один из крупнейших театров страны возлагает на нас огромную ответственность. Какое творческое напряжение коллектива, какой уровень художественного вкуса и чувства необходимо для того, чтобы оправдать это доверие! Не только требовательный ростовский зритель, привыкший к хорошим театральным коллективам, но и те многочисленные артисты, которые приезжают в Ростов со всех концов Азово-Черноморского края, ждут от нас открытия нашего театра. Все трудности, стоящие на нашем пути, и главным образом трудности творческого характера, должны быть преодолены. От «камерности» постановок и интимности исполнения, в какой-то степени характерной для небольшого московского театра-студии, нам предстоит перейти к созданию монументальных спектаклей. Маленький московский театр часто подкашивался на

выбор той или иной пьесы и средства ее художественного разрешения. Ростовский театр, его огромные размеры, его техническое оснащение потребуют от нас особого репертуара, предоставляя в то же время громадные постановочные возможности. Остаившаяся на репертуаре, Ю. А. Завадский указывает, что на ростовскую сцену будут перенесены такие спектакли, как «Волки и овцы», «Школа неплательщиков» и «Варяжская ночь», но спектакли эти будут коренным образом переработаны в соответствии с требованиями нового театра.

Для открытия спектаклей в Ростове в виде театр поставит «Любовь Яроуку». Кроме того предполагается еще в этом году осуществить постановки «Детей солнца» Горького и «Славы» В. Гусева.

В начале будущего года театр покажет маленькую трагедию Пушкина. Пятилетний производственный план театра предусматривает не менее четырех новых постановок в год: двух классических и двух современных пьес. Коллектив театра будет пополнен московскими, ленинградскими и ростовскими артистами.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

В этом году громче, чем в прошлые, зазвучат в парке слова поэтов и прозаиков. В конце мая начнется Пушкинская декада, конец которой совпадет с днем рождения гениального поэта.

6 июня о творчестве Пушкина, проведут беседы виднейшие исследователи литературы. Молодые и старые примут участие в литературных играх на сюжеты и слова Пушкина. Артисты-профессионалы и коллектив самодеятельности исполнят его пьесы и стихи, спойт его песни.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

Вечером в атлех будут гулять Онегина, Ленского, Татьяны и Ольги Ларины. Людмила со своим пожитками Корюмоном, Марин Мшахер, Бориса Чопулова и Самозванца.

О НЕКОТОРЫХ ПРАВИЛАХ ПИСАТЕЛЬСКИХ ЭТИКИ

В № 27 «Литературной газеты» был помещен фельетон Е. Вейсманя «Рич — лживое сердце» о статьях А. Рича — сотрудницы «Вечерней Москвы». Редакция «Вечерней Москвы» (в номере от 11 мая) выступила в защиту А. Рича. По ее мнению, Е. Вейсманя по каким-то причинам сфабрикованно преувеличивает доступ к литературной деятельности молодому и смекалому Ричу.

Это — абсурдизм. Рич несколько лет занимается составлением стихов и репортажем, но написанием «Вечерней Москвы» требует, чтобы с Ричем вели похему по литературно-ведическим вопросам. Рич не силен в теории. Вопрос о Риче — иной. Это вопрос о правилах поведения советского журналиста и критика. В заметках и отчетах Рича неуживо нередко прикрывается развлекательность. Его статья о Добрытине «Жизнь Добрытине» (В. М.) от 4 февраля 1936 года представляет собой жалкую компиляцию из старых биографий критика. Его отчет, названный «60 летом театром, товарищам Лели» (В. М.) от 7 марта 1936 г., наполнен ложной болтовней, обтекающей в форму рашника.

Рич в своих рецензиях не скупится на голословные обвинения и на оскорбительные выпады, адресованные писателям. В недавней рецензии о книге В. Левина «Чужие конверты» (В. М.) от 5 мая) Рич «спригнует» по методу «волевого сна». Все без исключения рассказы В. Левина он считает шлоками. Ничего хорошего в них нет — утверждает Рич.

Редакция «В. М.» не хочет замечать таких особенностей в творчестве Рича и в своем опровержении ограничивает лицемерной ремаркой: «Конечно, Рич не обладает литературными способностями». Сказано довольно мягко. Понеделье Рича уже давно вынашивает злобу и возмущение среди писателей.

Рич еще не усвоил тех правил поведения, которые должен знать и соблюдать журналист, дорожающий своим именем и достоинством того органа, где он печатается. Редакция «В. М.» уклонилась от ответа по существу.

Для того, чтобы выторгнуть Рича, редакция к своему «опровержению» привлекла фамилию критика Брайнина. Эта «операция» произведена нетово и механически. В своей статье Б. Брайнина подробно анализировала рассказы способного молодого писателя, которого редакция «Вечерней Москвы» желала уничтожить своим замком пера.

Стоит только сопоставить комелию Гоголя, как станет очевидной полная творческая оригинальность «Ревизора» (Гринвальд).

«Однако стоит только сопоставить... как сразу же станет очевидной полная творческая оригинальность «Ревизора» (Данилов, 90 стр.).

«На жидкие аллюзии вышел на сцену один Социальный. Гоголь в театре уже не было. Взамен Социальный, он уехал сейчас же по окончании спектакля» (Гринвальд).

«На аллюзии вышел один Социальный. Гоголь в театре уже не было. Взамен Социальный, он уехал сейчас же по окончании спектакля» (Гринвальд).

«Как грозное обвинение «судной российской действительности» приняла эту комедию Россия Великого, Чернышевского, Герцена. Социальную правду «Ревизора» и т. д. (Данилов, 94 стр.).

Примеры можно продолжать. О случайном совпадении фраз не может быть и речи. На это обстоятельство обратил наше внимание и читатель «В. М.» И. Селешев, сотрудник вестника «Сталкерский рабочий» (Доблес, Сталин) стр.

Такая обстановка тема о правилах поведения советского журналиста для литературного отдела «В. М.» ставится еще более широко.

Для того, чтобы познать до конца практику, свойственную старой журналистике — заезжалость, пошлость и плагиат, — необходимо вести профилактическую работу. «Литературная газета» вынуждена вести эту работу.

СОВЕЩАНИЕ АВТОРОВ ЭСТРАДЫ

Сегодня открывается совещание эстрадных драматургов Москвы, Ленинграда и Киева, созданное секцией драматургов ЦСР СССР. Совещание должно наметить пути дальнейшей работы эстрадных авторов.

Совещание, помимо двух основных докладов — О. Литовского «Творческие вопросы эстрадной драматургии» и Э. Вексина «Исполнение на эстраде», — заслушает и ряд выступлений на специальные темы: репертуар для театра народного творчества (Б. М. Филиппов), Маяковский и эстрада (О. М. Брик), эстрада в кино (Б. Бродянский), эстрада на радио (В. Гусман), конференция на эстраде (А. Глинский), колхозная эстрада (А. Суботин), детская эстрада, красноармейская эстрада и т. д.

В совещании примут участие также В. И. Катаев, М. М. Мостякин, заслуженные артисты В. Я. Хванкин, Б. С. Борисов и другие.

Полуясь присутствием в Москве ленинградских и киевских авторов эстрадного репертуара, секция драматургов ЦСР СССР проведет специальное совещание по подготовке эстрадного репертуара в XX-летие Октября.

В совещании примут участие также В. И. Катаев, М. М. Мостякин, заслуженные артисты В. Я. Хванкин, Б. С. Борисов и другие.

Полуясь присутствием в Москве ленинградских и киевских авторов эстрадного репертуара, секция драматургов ЦСР СССР проведет специальное совещание по подготовке эстрадного репертуара в XX-летие Октября.

В совещании примут участие также В. И. Катаев, М. М. Мостякин, заслуженные артисты В. Я. Хванкин, Б. С. Борисов и другие.

Полуясь присутствием в Москве ленинградских и киевских авторов эстрадного репертуара, секция драматургов ЦСР СССР проведет специальное совещание по подготовке эстрадного репертуара в XX-летие Октября.

В совещании примут участие также В. И. Катаев, М. М. Мостякин, заслуженные артисты В. Я. Хванкин, Б. С. Борисов и другие.

Полуясь присутствием в Москве ленинградских и киевских авторов эстрадного репертуара, секция драматургов ЦСР СССР проведет специальное совещание по подготовке эстрадного репертуара в XX-летие Октября.

В совещании примут участие также В. И. Катаев, М. М. Мостякин, заслуженные артисты В. Я. Хванкин, Б. С. Борисов и другие.

Полуясь присутствием в Москве ленинградских и киевских авторов эстрадного репертуара, секция драматургов ЦСР СССР проведет специальное совещание по подготовке эстрадного репертуара в XX-летие Октября.

КУРС НА БИОГРАФИЮ А. С. ПУШКИНА

Гослитиздат объявил конкурс на биографию А. С. Пушкина. По условиям конкурса это должна быть брошюра в 4-5 авторских листов. Срок представления рукописи в готовом виде к печати — 15 октября 1936 года.

Биографический очерк должен удовлетворять всем требованиям научной популярной книги.

На фоне пушкинского времени, социальных, экономических, политических и культурных тенденций эпохи должна быть показана жизнь поэта, его творчество и историческое значение великого русского поэта — создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы.

В брошюре должно быть вложено мировоззрение великого поэта и обрисованы его общественно-литературная деятельность и значение для развития современной советской литературы.

Установлены три премии в 10.000, 5.000 и 3.000 рублей.

ЮБИЛЕЙ НАРОДНОГО ПОЭТА ЧУВАШИИ Н. И. ПОЛУРОССОВА-ШЕЛЕПИ

Чувашская республика празднует 17 мая в г. Чебоксарах 30-летие литературной деятельности и 55-летие со дня рождения старшего своего народного поэта Николая Ивановича Полурossoва-Шелепи.

Как и большинство чувашских до-революционных писателей, он начал писать в период революции 1905-1907 годов. Уже первое его произведение «Россия» было острой сатирой на царя и его бюрократическую камарилью, на церковь и пош-

Большая плодотворная работа Шелепи получила особенное развитие после Октября. Его произведениям заданы тремя большими сборниками.

Среди этих произведений особенно выделяется поэма о Великой пролетарской революции, о Красной армии, о Ленине, о Сталине, о новой социалистической Чувашии.

Несколько лет назад поэт постигло большое бедствие — он ослеп. Но это несчастье не повлекло за собой прекращения творческой работы.

Правительство Чувашской Республики, придавая большое значение тридцатилетнему творческому деятельности Н. И. Полурossoва-Шелепи, постановило провести его юбилей, как всероссийский праздник.

Постановлением ЦИК ЧАССР от 4 мая Шелепи присвоено звание народного поэта Чувашской Республики.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦИЙ. ИЗДАТЕЛЬ: Журналистско-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 28, тел. 69-81 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стростной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-81-69.

ЧИТАЙТЕ № 14

журнала-газеты «За Ружем»

ВЫШЕ НА ПЕЧАТИ И НА ДАЛЕКО РАСПРОСТРАНЕН ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ, КРИТИКИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК № 4

В НОМЕРЕ: В. Успенский — Владимир Малюков: Теория и история литературы. И. Александров — «Сестры» и «Черты» (к спорам о значении Пушкина). И. Вершин — Эстетические взгляды Гете. Боллевант Гете — Кто был Шекспир? Волынский Гете — Шекспир и смерть ему конца. Критика. О. Левин — Третья часть «Последнего из Удуга». В. Гольдштейн — «Пожизненно Евронин». О. Брик — Маяковский — редактор и организатор. Поль Гельс — Семидесятилетие Романа Роллана. Тривбуна Ю. Юзовский — Человек ли Отелло? Л. Боровой — Шекспир Анны Радловой. Фольклор. С. Минин — Сказочница Куприяшкина. О. Брик — «Познание». В. Капторович — О критике балкарской литературы. Автор Габур — «Познание». Ю. Юзовский — Первый советский роман. М. Гервальд — История писателя Шекспира. И. Вершин и Н. Реформатская — Из биографии критической литературы о В. Маяковском (1918-1936 г.). В. Гринин — Маяковский в переделах (библиографический очерк).

Издательством Главсевморпути

ОТКРЫТ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

В магазине имеются новые и антикварные книги на русском и иностранных языках. Большой выбор гравюр, автографов и рисунков. Производятся покупки отдельных книг, сборников и целых библиотек. Оценки книг и консультации производятся высококвалифицированными специалистами.

Адрес магазина: г. Ленинград, ул. Жуковского, д. № 2, угол пр. Володарского. Телефон Ж-2 70-41.

КУДЕЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Имеется в продаже: Илл. Т-во «ИР» Бороздин С. Большевизм открыли Сибирь (очерк), стр. 150, п. 3 р. 30 к. в пер. 4 р. 50 к. Гладков Ф. Энергия. Роман, стр. 670, п. в пер. 10 р. Горький М. Избранные произведения в 6 томах. Том I. Мать, стр. 820, п. в пер. 6 р. Том II. Дед Артамоньев, стр. 880, п. в пер. 4 р. 75 к. Том III. Детство, стр. 300, п. в пер. 4 р. Том IV. В людях, стр. 492, п. в пер. 5 р. 75 к. Том V. Мои университеты, стр. 232, п. в пер. 3 р. 75 к. Иванов В. Похождения факуса (роман), стр. 456, п. в пер. 7 р. 25 к. Ильенков В. Велудная ося (роман), стр. 588, п. в пер. 6 р. 50 к. Шукон Н. Болванщик (роман), стр. 388, п. в пер. 6 р. 50 к. Требуется во всех магазинах и киосках Кавказа. Почтовые заказы направляйте в отдел «Книга-почтой» во все области (крупные) отделения почты.

Редакция журнала «КОЛОЗНЫЙ ТЕАТР», учитывая особую и настоятельную потребность в одноактных пьесах. ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС на одноактные пьесы УСЛОВИЯ КОНКУРСА Тематика по усмотрению автора — необязательная для колхозного артиста. Жюри законченная одноактная комедия, одноактная драма, водеvil, текст одноактной музыкальной комедии, драматизм и комедия в жанре комедии рассматриваются лишь в исключительных случаях. Писать допускается не более 5-6 человек. ПОСЛАНИЕ СРОК ПРИБЛИЖИТЕЛЬНО РУКОПИСИ-ВАМ РЕДАКЦИИ 1 МАЯ 1936 г. Одноактные пьесы, написанные в журнале для призыва редакция в момент объявления конкурса по 1 мая, принимаются в конкурс. Рукописи могут быть представлены по желанию или под собственной фамилией автора в надписью на конверте «На конкурс». На конкурс пьесы, по решению жюри конкурса, принимаются редакция следующими премиями: 1-я ПРЕМИЯ — 5.000 руб., 2-я ПРЕМИЯ — 3.000 руб., 3-я ПРЕМИЯ — 2.000 руб., 4 и 5-я ПРЕМИИ — по 1.000 руб. За выплатами пьесы направляются в журнал «Колхозный театр» уличными адресами: Москва, ул. Коминтерна, 5, Издательство «Крестьянская газета», Редакция «Колхозный театр».

„НОВЫЕ ВРЕМЕНА“

Н. ПИЛСКО Маленького человечка с коротко подстриженными черными усами, в жесткие и длинные бахмыки знает весь мир. Его появление на экране вызывает улыбку, смех и восторг публики. Его встречают как старую и добрую знакомую. Актриса Елена Гончарова, героиня пьесы Юрия Олеши, уезжая за границу, мечтает о том, как она в каком-нибудь охранном парижском кино будет смотреть картины Чарли Чаплина и плакать. Тема Чаплина волнует советскую актрису Елену Гончарову. Это, по ее мнению, общедоступная и понятная подлинно демократическая тема. Маленький человек капиталистического мира, угнетенный и униженный, мечтает разбогатеть, вырваться из своего униженного состояния. Это мечта многих миллионов маленьких людей в капиталистическом мире. И когда этот неудачник, этот неуловимый и смешной человек хоть на минуту, хоть на миг может посмеяться над людьми, его унижающими, над безжалостными, казавшимися, обстоятельствами и условиями, тогда зритель облетает и радостно вздыхает.

Елена Гончарова увидела в Париже одного из Чаплиных, но не на экране кино, в предместьях Парижа, а голубого безработного, одного из миллионов Чаплиных, выброшенных на бульвар. Так разрушились ее иллюзии, так разлетелся в прах сказочка буржуазного мира о радком утенке.

Новая картина Чарли Чаплина «Новые времена», просмотр которой состоялся на днях в кинотеатре «Дарья», показала, что и в предстелении Чарли Чаплина, актера и режисера, произошли серьезные изменения. С потребностей одной новой картины Чаплина раскрывает суть капиталистического мира послевоенных лет. Ни одна картина не раскрыла, пожалуй, так ярко, как это делает Чаплин в своей новой комедии, жизнь капиталистического мира. Совершенно потрясенный уходит зритель после картины. И там, где доказал Чарли Чаплина актер и режиссер, советский зритель доказывает за него.

Вот приходит перед нами жизнь маленького человека в обществе, где величайшие достижения технической мысли должны облегчить работу и жизнь человека. Все механизировано. Механизирован труд человека, механизировано управление. В кабинете сидит директор электрической компании. В цехах завода экран, на котором появляется изображение директора и слышатся его приказания.

Прекрасный, оборудованный по последнему слову техники, цех американского завода. Бесперебойно движущаяся лента конвейера. Маленький смешной человек едва успевает за ходом конвейера. Конвейер движется с предельной скоростью. Человек

завинчивает гайки детали, движущейся на конвейере. Его движения однообразны. Он чист машина. Его взгляд бесцельно. Все человеческое его задняя работа забрала у него. И когда останавливается конвейер, он продолжает эти механические движения, рывками в будущее смех. Он продолжает метаться, заворачивать гайки на пожарном кране, пугающим на близкие котлопаны и принимая за гайки и намереваясь гнатьными ключами закрутить их.

На нем производят опыт работы вновь изобретенной машины, которая, по мысли ее творцов, должна без всякого участия человека кормить его. Машина подносит ко рту тарелку с супом, механическая салфетка вытирает губы. Но в механизме вновь изобретенной машины что-то нарушено. Салфетка начинает хлестать Чарли по щекам, тарелка с супом выливается на грудь, вместо кусочков мяса маленькому человеку в рот попадают гайки. И вы чувствуете, что машина в этой системе общественных отношений приносит человеку только вред, превращая его в часть машины. Так рационализация оборачивается против среднего человека капиталистического мира. И он сидит с ужом.

Цикл летения закончен. Чарли на улице. Он без крова, без пищи. Он унижен, ничто не понимает в общественных отношениях. Но в вся система общественных отношений так же беззвучна, механична, как и система рационализации, ироводителями капиталистического мира. По своей легкой наивности и неопытности он попадает в революционную демонстрацию, которую разгоняет полицейский отряд, а Чарли забрывает в тюрьму, как «лидера коммунистов». Его преследуют неудачи. Тормоза сменяются роуторами, случайной работой. Работа — снова тюрьма, преследованиями полиция.

Самым человеческим не утрачивает своей чистоты истинных человеческих отношений, выживает Чарли Чаплин Чаплин нам снова говорит: смотрите, как трагична в этом мире судьба настоящего человека, в ком сохранились еще подлинно человеческие чувства. За каждое проявление его или платит своим человеческим достоинством. Весь мир ополчился против него и хочет вытравить это человеческое существо, стандартное, рационализированное, как механический капиталистический мир.

Он тот же принят на себя вину родной девушки, дочери безработного — укрешенную беду. Он полагает ей уйти от рук полиции. Она становится дурью. Она так же, как и он, колода, без крова. Так же, как и он, девушка не имеет никаких перспектив. Она мечтает о тихой идиллической жизни в маленьком загородном домике. Жизнь так близка к природе. Не машина, а природа должна открыть им свои дары. Но это только мечта, а действительность ужасна. Они поселились в каком-то сарае, где бачки бьют по голове, проваливаются пол.

Всуду их преследует неудачи. Работает сторожем в универсаме сменяется работой официанта в кафе, безработица прерывается тюрьмой. И вот, кажется, они себя нашли: он купит котлет, она танцовщица в кафе. Некоторый успех, призрачное счастье. Но все это прерывается, полиция арестовывает его по поводу. Они бегут, они ищут покой жизни. И на ухаляющей вальс дороге видны Чарли с другой. Они идут в новую жизнь.

Зритель верит этому. Но он знает, что эту жизнь они найдут в борьбе против всей системы капиталистических отношений. Не призрачное счастье отдельных личностей, а освобождение подлинно человеческих отношений и справедливый мир человеческих чувств и справедливый установление социалистических отношений, где маленький человек становится настоящим человеком. Именно у нас эта картина приобретает свое подлинное значение и раскрывает свой сокровенный смысл, который вложил в нее величайший актер, замечательнейший постановщик и режиссер, подлинный гуманист Чарли Чаплин.

Уполн. Главлита В-22074. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.